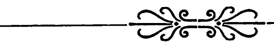
АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ЧАСТЬ VII

Т. III.

Акты о заселеніи Южной Россіи XVI — XVIII в.в.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. О-ва печ. и изд дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. д. № 6.
1905.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя Коммиссіи для розбора древнихъ актовъ.

Настоящій томъ Архива Юго-Западной Россіи состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ въ первой содержится собраніе нѣкоторыхъ актовъ по исторіи южно-русской колонизаціи XVI и XVII вв., а во второй — люстраціи украинныхъ староствъ XVIII в. Редакція первой половины принадлежитъ М. Ф. Владимірскому-Буданову, второй — Вл. Ив. Щербинѣ.

Акты о заселенiи Южной Россiи XVI и XVII вв.

Акты, вошедшіе въ первую половину настоящаго тома, составляютъ дополненіе къ тѣмъ, которые уже изданы Кіевскою коммиссіею въ двухъ предшествовавшихъ томахъ VII-й части Архива. Сюда вошли: а) Акты люстраціи Кіевскаго воеводства 1570 года.

б) Нѣсколько актовъ объ основаніи городовъ въ лѣво-бережной (и частію право-бережной) Украйнѣ при кор. Стефанѣ Баторіѣ, взятыхъ изъ Литовской метрики, а именно объ основаніи городовъ Переяслава, Лубенъ и Пирятина [1]).

в) Къ исторіи колонизаціи правобережной Украйны относится нѣсколько актовъ частію новыхъ, частію исправляющихъ въ зна-

---

[1]) Документы первой половины этого тома были напечатаны уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но выходъ ихъ въ свѣтъ былъ задержанъ изготовленіемъ актовъ второй половины тома. Тѣмъ временемъ г. Николайчикъ напечаталъ въ Чтеніяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца (кн. XIV, вып. III) довольно обширное собраніе актовъ по исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны. Въ него вошли два акта, уже напечатанныхъ нами, именно объ основаніи городовъ Лубенъ и Пирятина (пользуемся этимъ случаевъ для исправленія описки, сдѣланной переписчикомъ въ грамотѣ объ основаніи гор. Лубенъ; именно вмѣсто *сво* нужно читать *своволне;* см. стр 295). Сверхъ того люстрація Кіевскаго воеводства въ тотъ же промежутокъ времени издана въ Zródta Dziejowe (Т. XX). Чрезъ это Кіев. коммисія не лишена пріоритета, ибо издателямъ Zród. Dziej. уже извѣстно было содержаніе нашего еще неизданнаго тома; въ т. XXII-мъ они цитируютъ нашъ томъ, именно помѣщенную въ немъ грамоту на основаніе Переяслава, ссылаясь такъ: „Arch Kij.“ cz. VII, t. 3 (см. стр. 537).

чительной степени тексты актовъ, уже изданныхъ другими. Къ первымъ принадлежатъ: инвентарь Винницкаго за́мка 1604 г., заключающій въ себѣ точное указаніе числа дворовъ Винницкаго староства и предупреждающій хронологически всѣ извѣстныя люстраціи XVII в.; грамота кор. Сигизмунда III гор. Богуславу 1620 г. съ прописаніемъ грамоты кн. Януша Острожскаго 1589 г. и съ важными указаніями на права, какія давали колонизаторы первоначальнымъ поселенцамъ въ концѣ XVI в. на Украйнѣ, а также на отношенія русскаго населенія къ еврейскому въ украинныхъ городахъ во время разгара колонизаціи.—Къ актамъ, содержащимъ въ себѣ болѣе исправные тексты, относятся люстраціи Кіевская, Овруцкая и Браславская 1616 г.; въ нихъ съ точностію обозначаются годы основанія населенныхъ мѣстъ и числа жителей въ нихъ (чего въ преждеизданныхъ текстахъ не было).

г) Люстраціонный и статистическій матеріалъ, относящійся ко 2-й пол. XVII в., не затронутый еще ни Кіевской комиссіею, ни другими издателями, представляетъ особый интересъ для рѣшенія вопроса о населеніи центральной части юго-западной Россіи, именно Волыни, послѣ переселенческаго движенія народа въ украинскія степи (главный контингентъ переселенцевъ давала Волынь) и послѣ опустошительныхъ войнъ эпохи Хмельницкаго.—Въ настоящемъ томѣ мы помѣщаемъ обширные акты люстрацій и переписей населенія Волыни 60-хъ и 70-хъ годовъ XVII вѣка (взятые изъ мѣстнаго Центральнаго Архива). Эти документы содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя и подробныя данныя о числѣ и составѣ населенія Волыни послѣ громадныхъ переворотовъ въ 1-й пол. XVII в. Здѣсь изслѣдователь найдетъ точныя указанія на численный составъ населенія по отдѣльнымъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ (Перепись дымовъ 1662 г.); по этому же матеріалу легко дать таблицы соціальнаго состава населенія, ибо здѣсь перечисляется и именуется: а) все шляхетское населеніе отъ большихъ магнатовъ до убогихъ шляхтичей, обрабатывавшихъ землю собственными руками; б) перечисляется все приходское духовенство

(православное, уніатское и католическое); монастыри и ихъ обитатели-монахи также указаны всѣ; в) исчислено городское и сельское населеніе (мѣщане и крестьяне) и отдѣльно дворовое населеніе вотчинъ, съ обозначеніемъ убыли во всѣхъ этихъ классахъ отъ войнъ и неурядицъ (Переписи Владимирскаго повѣта 1678 г. и Луцкаго—1677—1679); г) еврейское населеніе вошло въ особые реестры при тѣхъ же переписяхъ.

Полагаемъ, что факты, содержащіеся въ документахъ послѣдняго рода, дадутъ историку немаловажный матеріалъ для изображенія экономическаго и общественнаго строя данной эпохи, а также для выводовъ о вліяніи этого строя на будущую судьбу Рѣчи Посполитой.

Мы же должны бы сосредоточиться на предметѣ уже много лѣтъ назадъ затронутомъ нами, именно, по ходу нашего изслѣдованія исторіи колонизаціи южно-русскихъ окраинъ, намъ предстояло бы перейти къ самому интересному моменту въ этой исторіи, т. е. къ эпохѣ отъ Люблинской уніи до Богдана Хмельницкаго. Среди актовъ настоящаго тома есть нѣсколько такихъ, которые значительно уясняютъ эту эпоху. Но во перв. для полнаго изслѣдованія дѣла изданныхъ документовъ еще недостаточно; громадное количество ихъ, относящееся къ исторіи частно-владѣльческой колонизаціи, лежитъ неизданнымъ въ Главномъ Архивѣ царства Польскаго, въ Литовской метрикѣ и Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, а отчасти и въ другихъ хранилищахъ. До изданія важнѣйшихъ изъ нихъ считаемъ невозможнымъ представить опытъ изслѣдованія столь важнаго явленія, опасаясь навлечь на себя и комиссію (незаслуженныя) обвиненія въ преднамѣренномъ подборѣ фактовъ и выводовъ[1]).

---

[1]) Прежде подобныя обвиненія слышались со стороны польской печати, но они давно замолкли и смѣнились признаніемъ научныхъ достоинствъ за изданіями Кіев. комиссіи. Нынѣ въ русской печати иногда неожиданно появляются отголоски тѣхъ же, забытыхъ польскою печатью и

Матеріалъ, изданный по этому предмету (въ томѣ XXI Zrȯdła Dziejowe) и состоящій изъ реестра трибунальскихъ дѣлъ за немногіе годы XVI и XVI вв., недостаточенъ: во перв. это только реестръ, а не акты, во вторыхъ множество интереснѣйшихъ явленій, отмѣченныхъ простыми явками и жалобами въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго, Волынскаго и Браславскаго воеводствъ, не доходило до главнаго трибунала.

Не смотря на такую недостаточность матеріала, уважаемый польскій ученый, столь много потрудившійся для изслѣдованія вопросовъ о заселеніи Украйны, издалъ въ 1897 г. обширную и важную монографію подъ заглавіемъ: „Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Ziemie Ruskie. Ukraina (Kijow—Braclaw) (Zrȯdła dziejowe T. XXII) [1]). Въ этой большой работѣ авторъ не одинъ разъ переступаетъ за конечную черту XVI в. и переходитъ въ XVII-й в. Можно даже сказать, что почти всѣ интереснѣйшія явленія колонизаціи послѣ Люблинской уніи отмѣчены въ этой книгѣ по источникамъ нач. XVII в., ибо скудость источниковъ конца XVI в. извѣстна. Так. обр. со стороны хронологической упомянутое изслѣдованіе обнимаетъ всю эпоху, о которой намъ предстояло говорить. Со стороны содержанія богатый подборъ фактовъ въ ней не оставляетъ, повидимому, желать ничего большаго (за исключеніемъ, какъ сказано, частно-владѣльческой колонизаціи). Затѣмъ всѣ детали вопроса о колонизаціи охвачены въ этой книгѣ съ полною подробностію и аналитическою точно-

---

вполнѣ неосновательныхъ, мнѣній. Комиссіи было бы весьма легк. дать имъ надлежащій отвѣтъ, если бы въ этихъ замѣчаніяхъ не проявлялось отсутствія элементарныхъ свѣдѣній по южнорусской исторіи; но когда приходится разъяснять, что такое козачество, что такое староство, что такое повѣтъ, то полемика становится совершенно безполезною.

[1]) Нѣсколько замѣтокъ по тому же вопросу дано было въ уже въ т. XX Zródla Dziejowe; но они совершенно упраздняются большимъ изслѣдованіемъ т. XXII; на него (подъ заглавіемъ „Ukraina“) мы и будемъ ссылаться.

стію: изслѣдованіе коснулось географическаго описанія страны, обороны края и укрѣпленій, способовъ колонизаціи, характера и числа населенныхъ мѣстъ, хозяйства, классовъ общества, видовъ землевладѣнія и географическаго распредѣленія его. Так. обр. названное сочиненіе почти упраздняетъ необходимость новой работы по тому же вопросу съ фактической стороны.

Но исторія заключается не только въ фактахъ; требуются выводы; фактъ есть явленіе мертвое; душу въ него вкладываетъ человѣческая мысль. Съ этой точки зрѣнія никакое совершеннѣйшее историческое изслѣдованіе не можетъ исключить возможность иныхъ выводовъ, другихъ соображеній, въ чемъ и заключается движеніе науки. Пререканія въ этомъ направленіи творятъ науку (разумѣется если они происходятъ между людьми свѣдущими и компетентными, или по крайней мѣрѣ имѣющими нѣкоторыя понятія о предметѣ).

Въ указанномъ отношеніи трудъ уважаемаго ученаго возбуждаетъ не мало вопросовъ и даетъ поводъ къ иной постановкѣ главныхъ рѣшеній.

Въ настоящемъ случаѣ ограничиваемся однимъ, но существеннымъ вопросомъ: *кому* (или чему) *принадлежитъ главная роль въ дѣлѣ заселенія южно-русскихъ пустынь въ концѣ XVI и нач. XVII в.?* Спѣшимъ оговориться, что мы не приписываемъ и себѣ безусловнаго и окончательнаго рѣшенія дѣла, а ограничиваемся лишь болѣе правильною (на нашъ взглядъ) постановкою его и притомъ весьма не новою.

Кому принадлежитъ главная роль въ дѣлѣ заселенія Украины въ концѣ XVI и нач. XVII в.?

I.

Заселеніе южнорусскихъ степей по обоимъ берегамъ Днѣпра и по Бугу въ концѣ XVI и нач. XVII в. представляетъ такую поразительную картину быстраго успѣха, что едва-ли найдется что-либо подобное въ лѣтописяхъ старой Европы. Если сличить видъ пустынь, какой рисуютъ намъ люстраціи второй половины XVI в. съ картами Боплана, на которыхъ эти бывшія пустыни пестрѣютъ цѣлыми группами поселеній (преимущественно по берегамъ рѣкъ), и дополнить показанія Боплана свѣдѣніями, которыя даютъ люстраціи нач. XVII в. [1]), а также лѣтописные источники и мемуары,

[1]) „Ukraina“ даетъ слѣд. (конечно приблизительныя) цифры для сравненія.

По люстраціямъ 1545—1652, сельскихъ поселеній было:

въ повѣтѣ	Мозырскомъ	69
„	Овруцкомъ	75
„	Житомирскомъ	60
„	Винницкомъ	48
„	Браславскомъ	36
„	Чернобыльскомъ . .	32
„	Остерскомъ	9
„	Кіевскомъ	30
„	Каневскомъ	26
„	Черкасскомъ	8
	Всего	393

то невольно спрашиваешь себя: кто двинулъ эти массы въ опасныя безлюдныя пустыни? Искусная ли рука государственной власти, руководимая дальновидной и мудрой прозорливостью? Или отвага и ловкость частныхъ піонеровъ, вождей и предпринимателей колонизаціи? Или сами массы народа чѣмъ-либо сдвинуты изъ своихъ старыхъ насиженныхъ угловъ въ рискованный порывъ къ невѣдомымъ странамъ? И почему именно въ концѣ XVI в. сразу прорвался этотъ потокъ народа въ степи, тогда какъ раньше шли цѣлые вѣка (XIV, XV и 1-я пол. XVI), и ничего подобнаго не совершалось?

Почтенный авторъ „Ukrainy“ (какъ и другіе польскіе ученые) даетъ слѣд. отвѣтъ: „Политическая унія 1569 г. составляетъ эпоху въ развитіи колонизаціоннаго движенія, сообщившаго новую жизнь пустынямъ Украйны. Тотчасъ по присоединеніи Волыни и Кіева къ коронѣ (польской) и по снятіи границы этихъ земель отъ

Правда, въ люстраціяхъ пол. XVI в. опущены цѣлыя волости и владѣнія, но за то и въ приведенной таблицѣ не различены села и селища, между тѣмъ терминомъ селище (какъ „городище“, монастырище“) означается *бывшее* поселеніе. Неполнотою страдаютъ и люстраціи нач. XVII в., по которымъ, однако, даются слѣд. цифры:

Около 1625 г. городскихъ и сельскихъ поселеній было въ повѣтахъ:

	всѣхъ	корон.	церковн.	частн.
Овруцкомъ	205	33	42	130
Житомирскомъ . .	251	12	31	208
Любецкомъ	89	42	—	47
Чернобыльскомъ .	100	6	25	78
Кіевскомъ	187	14	67	106
Остерскомъ . . .	42	15	5	22
Бѣлоцерковскомъ .	130	73	—	57
Каневскомъ и Корсун.	96	66	—	30
Черкасскомъ	94	59	—	35
Переяславскомъ .	86	30	—	56
Миргородскомъ . .	32	31	—	1
Винницкомъ . . .	195	17	—	178
Браславскомъ . .	167	14	—	153
Звенигородщинѣ . .	40	—	—	40
Всего .	1723	412	170	1141

странъ, уже давно принадлежавшихъ Польшѣ, т. е. Червоной Руси и Подоліи, открылись такъ сказать двери для выхода изъ отдаленнѣйшихъ странъ *коренной Польши*. Масса переселенцевъ, которыя до того времени шла главн. образомъ съ сѣвера на югъ, начинаетъ все болѣе и болѣе стремиться отъ запада; бѣлорусско-полѣсское переселенческое движеніе видимо слабѣетъ; перевѣсъ беретъ Червенское, затѣмъ *Мазовецкое и Малопольское*. Инициативу въ дѣлѣ колонизаціи въ первую эпоху беретъ сама *высшая власть государства*. Главной побудительной причиной очевидно служитъ горячая потребность утвержденія большей безопасности для южныхъ предѣловъ Украйны, а не такъ, какъ теперь меркантильно-экономическіе разсчеты". Унія дала и средства для исполненія такой задачи: силу постоянныхъ татарскихъ опустошеній „Литва одолѣть не могла; послѣ же уніи, корона, внеся новыя силы, могла помочь этому болѣе дѣйствительнымъ обр."

Однако сама власть, взявшая иниціативу веденія колонизаціи, тѣмъ не менѣе первою важнѣйшею мѣрою для этой цѣли признала «*роздачу пустынь*», частнымъ лицамъ что и началось съ самаго момента 1569, затѣмъ утверждено рѣшеніемъ сейма при Стеф. Баторіѣ и наконецъ приняло широчайшіе размѣры при Сигизмундѣ III [1]).

Если бы мы предприняли провѣрку всѣхъ этихъ положеній, то намъ пришлось бы пересмотрѣть весь фактическій составъ исторіи колонизаціи; а отъ этого мы рѣшительно уклоняемся. Поэтому остановимся только пока на двухъ прямо поставленныхъ вопросахъ: 1) не принадлежитъ ли въ украинской колонизаціи главная роль *польской націи* (въ смыслѣ народности)? 2) Не слѣдуетъ ли наибольшее значеніе приписать *польской государств. власти* (въ отличіе отъ прежней Литовской?)

---

[1]) Ukraina, str. 113—118.

1) При уніи 1569 южная Русь была отторгнута отъ Литвы и присоединена къ Польшѣ. Естественно предположить, что Украйна обязана успѣхами колонизаціи послѣ уніи (во 2-й пол. XVI и въ нач. XVII в.), именно Польшѣ. Иногда не расчленяя вопроса: въ чемъ именно заключается сила, двинувшая колонизацію—въ свойствахъ ли польской націи, или въ особенностяхъ польскаго правительства и государственнаго строя, говорятъ, что занимающее насъ поразительное оживленіе Украйны есть результатъ „могучей и творческой жизненности польскаго начала“ [1]). Это, нѣсколько мистическое выраженіе, въ позднѣйшемъ трудѣ того же почтеннаго ученаго раскрывается въ опредѣленное слѣд. положеніе: „унія 1569 открыла двери для заселенія Украины поляками (переселенцами Мазовіи и Малой Польши“). Съ этимъ утвержденіемъ, однако, безъ тщательной фактической провѣрки, отнюдь согласиться нельзя. Мы знаемъ, что главнѣйшая масса переселенцевъ двигалась на Украйну съ Волыни [2]); знаемъ также, что движеніе переселенцевъ съ сѣвера—изъ Бѣлоруссіи продолжалось въ той же силѣ послѣ уніи, какъ и до того времени: напр. въ инвентарѣ имѣнья Касыни въ Минскомъ повѣтѣ 1590 г. находимъ слѣд.: перечисливъ всѣхъ крестьянъ этого имѣнія, инвентарь продолжаетъ: „ты осмь пошли прочъ на Русь“ [3]). И это не единственный и не исключительный случай. Наоборотъ, намъ и никому не удавалось найти *ни одного* указанія на *народное* переселеніе изъ Мазовіи и Мал. Польши. Отдѣльныя лица, именно шляхтичи, конечно попадали на Украину, но не о нихъ идетъ рѣчь въ исторіи переселенія народа.

Но почтенный авторъ „Ukrainy“ точнѣе развиваетъ ту же мысль на другихъ страницахъ своей книги; [4]); сюда мы обратимся для исправленія очевидной ошибки.

---

[1]) Zródła Dzejowe. T. V, str. IX.

[2]) См. наше изслѣдованіе: „Передвиженіе южно-русскаго населенія“.

[3]) Акты Вилен. Коммисіи XIV, № 41.

[4]) Żr. Dziej. XXII, str. 127—130. Сл. 110 и сл.

Авторъ, изображая пути и характеръ бѣгства говоритъ, что переселенцы изъ дальнихъ мѣстъ не прямо перескакивали на Украйну, а подвигались постепенно изъ ближайшихъ къ Украйнѣ странъ, а на ихъ прежнія мѣста подвигалась затѣмъ слѣдующая за ними волна; прежде всего народъ движется съ Волыни, затѣмъ иногда прямо на Украйну попадаютъ люди съ Червоной Руси, иногда изъ Новгородъ-Литовской страны и Подлясья; „съ земель же настоящихъ польскихъ (szczeropolskich) или литовскихъ—*ни разу*" (z ziem szczeropolskich ani razu [1]).

Правда, и здѣсь рѣчь заходитъ объ „открытыхъ дверяхъ изъ Польши на Украйну" послѣ уніи, но сила этого замѣчанія совершенно ослабляется утвержденіемъ, что нѣтъ *ни одного факта* о переселеніи на Украйну изъ странъ sczeropolskich. Если предположить, что поляки подвигаются не на Украйну, а на ближайшія русскія земли, по мѣрѣ запустѣнія этихъ послѣднихъ отъ бѣгства въ степи, то надо бы фактически утвердить это, чего авторъ Ukrainy не сдѣлалъ, да и мы не беремся сдѣлать. Но если бы и признать это, то дѣло отнюдь не измѣнилось бы: двинулся народъ на Украйну съ Волыни, Полѣсья, Подоліи; кто сзади шелъ за этимъ народомъ, для нашего вопроса совершенно безразлично. Такъ исправляется мысль о польской народности, какъ главной колонизаціонной силѣ на Украйнѣ; исправляетъ ее самъ авторъ Ukrainy съ присущею ему добросовѣстностью. Какъ отъ мысли о народной колонизаціи Украины поляками придется отказаться, такъ и отъ старинныхъ фразъ о „польскомъ плугѣ", впервые вскрывшемъ дѣвственную украинскую почву [2]). О роли въ этомъ дѣлѣ владѣльцевъ (пановъ), между прочимъ—польскихъ, бу-

---

[1]) Ukraina str. 129.

[1]) См. въ „Кіев. Старинѣ" 1889, окт. статью г. Неймана: „Старая Брацлавщина". „Старая басня о мирныхъ пріобрѣтеніяхъ польскаго плуга (говоритъ онъ) сводится въ сущности къ тому, что колонизаторы пустырей нападали чаще всего не на пустыя пространства, а поселялись среди мѣстнаго осѣвшаго населенія, которое и прибирали къ своимъ болѣе опытнымъ рукамъ".

детъ сказано ниже, гдѣ увидимъ, что первенство и въ этомъ принадлежало русскимъ княжескимъ и магнатскимъ фамиліямъ Волыни.

2) И мы вполнѣ согласны признать, что унія 1569 г. играетъ не послѣднюю роль въ дѣлѣ оживленія южно-русской колонизаціи; но важно знать—въ какомъ смыслѣ. Если этого нельзя приписать польской націи, то не слѣдуетъ ли (какъ и говорятъ) приписать особенностямъ польской государственности, въ отличіе отъ прежней—Литовской? Или по крайней мѣрѣ не приписать ли это увеличенію силы отъ слитія двухъ государствъ въ одно? Унія есть соединеніе Литвы съ Польшею (съ удержаніемъ однако сомостоятельности каждой изъ нихъ) и въ этомъ значеніи, казалось, должна была дѣйствительно внести единство и сосредоточеніе силъ для защиты южно-русскихъ предѣловъ, какъ намъ и говорятъ. На дѣлѣ не то: военныя силы остались, какъ и прежде, раздробленными, подъ властію особыхъ гетмановъ, въ обоихъ государствахъ. Въ результатѣ защита южныхъ границъ осталась въ томъ же состояніи, какъ и до уніи. Вспомнимъ печальный 1575-й годъ, когда нашествіе татаръ на всю южную Русь мало уступало знаменитому Менгли-Гирееву погрому и оставило послѣ себя слѣды разорѣнія на цѣлыя десятилѣтія. Гетм Жолкѣвскій въ свою жизнь (до 1618 г.) насчиталъ 30 большихъ нападеній, а малыя совершались по 4 и 5 разъ въ одинъ годъ. И это творилось не только въ XVI, но и въ XVII в., спустя 30 и 50 л. послѣ уніи; возьмемъ на выдержку, для примѣра, 1505—1507 годы, когда татары безвыходно хозяйничали на Украинѣ болѣе двухъ лѣтъ и уничтожили гор. Фастовъ, Старосельцы, Ходорковъ, Кодню, Слободище, королевскія волости г. Житомира, Копачевъ и Нещеровъ (близъ самаго Кіева), г. Любартовъ и пр. и пр. [1]). Въ 1607 г. татары подъ Бѣлиловкой поразили коронныя войска. Желающій найдетъ въ Кіевскомъ Ц. Архивѣ

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. X, л. 132, 185, 229, 239 об., 264 об., 357—8, 361, 362, 369 об. 375 и пр.

указанія на большія опустошенія 1612, 1615, 1617, 1618, 1626, 1639 г.г. и т. д. Говоримъ это къ тому, чтобы показать, какъ трудно было правительству вести дѣло колонизаціи нормальнымъ образомъ при такихъ условіяхъ, а отнюдь не къ тому, чтобы подчеркнуть несовершенства и неспособность тогдашняго польскаго правительства; напротивъ для открытой борьбы съ столь подвижнымъ народомъ и при такой непосредственной близости Украины къ улусамъ, ничего лучшаго было сдѣлать нельзя. Для борьбы съ такимъ сосѣдомъ требовались иныя—европейскія средства, именно оборона укрѣпленіями, о чемъ и скажемъ сейчасъ, а послѣ упомянемъ, что хотя губительность татарскихъ нападеній ослабѣла во 2-й четверти XVII в. но по причинѣ совсѣмъ другой.

Важнѣйшею задачею, лежавшею непосредственно на обязанности правительства, было устройство безопасности для поселенцевъ отъ непріятельскихъ вторженій въ предѣлы колонизуемой страны, чрезъ обезпеченіе границъ укрѣпленіями. Въ люстраціяхъ 1570 г. содержались на этотъ счетъ вполнѣ вѣрныя и достаточныя указанія. Описывая тогдашнее плачевное состояніе украинскихъ за̀мковъ, ревизоры вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на то, что̀ можно и нужно сдѣлать. Кіевскій за̀мокъ, по ихъ словамъ, стоитъ на высокой горѣ; въ немъ 7 башенъ и 177 городенъ; весь онъ деревянный, облѣпленный глиною. Въ шпихлерахъ (числомъ 6) долженъ быть провіантъ и интендантскіе склады; но въ трехъ изъ нихъ ничего нѣтъ, а въ остальныхъ только шкуры воловьи выдѣланныя и невыдѣланныя. Ревизоры узнали отъ мѣстныхъ жителей (подвоевода отказался допустить люстрацію), что въ амбарахъ прежде было довольно всякихъ припасовъ, именно зернового хлѣба и мяса; они пожелали узнать, куда все это дѣвалось и кто этимъ распоряжался. Городничій Юрій Подбѣльскій показалъ, что онъ назначенъ на эту должность уже по присоединеніи Кіева къ Польшѣ и принимая ее, не нашелъ ничего въ амбарахь. Все растратилъ и выдалъ неизвѣстно кому прежній городничій Дѣвочка.

Внутри замка находится 8 построекь, изъ нихъ комната при кухнѣ сгнила и разрушается, кухня вся сгнила, пивница сгнила и разрушается. Тамъ же стоитъ римскій костелъ и одна русская церковь.

Въ за́мкѣ было четыре колодца; всѣ они завалены и испорчены; за́мокъ не можетъ ими пользоваться, а поправить ихъ некому; теперь съ великимъ трудомъ и расходами возятъ воду снизу, а это можетъ сопровождаться большою опасностію при нападеніи непріятеля.

Въ за́мкѣ есть двѣ ротмистровскихъ (гарнизонныхъ) корчмы, отъ которыхъ происходитъ большая опасность въ пожарномъ отношеніи.

Тюрьмы для заключенія преступниковъ нѣтъ; арестантовъ сажаютъ въ городняхъ за́мка, что̀ грозитъ бѣдою отъ пожара и измѣны.

Ревизоры обратили особое вниманіе на мѣстоположеніе Кіевскаго за́мка и предложили правительству проектъ мѣръ къ улучшенію его. За́мокъ доступенъ для непріятеля съ двухъ сторонъ; именно отъ св. Софіи доступъ къ нему открываетъ гора Здыхавица; съ другой стороны—гора Щекавица обнимаетъ немалую часть за́мка. По мнѣнію ревизоровъ, это можно поправить; для чего самою лучшею мѣрою было бы основаніе города въ старомъ валу (т. е. Ярославовомъ), гдѣ прежде былъ городъ и за́мокъ, гдѣ и теперь стоитъ церковь св. Софіи, каменное зданіе которой весьма цѣнно, и другая церковь, тоже очень цѣнная, св. Михаила Златоверхаго съ монастыремъ. Новый городъ могъ бы быть огражденъ парканомъ (острогомъ) по упомянутому валу. Валъ этотъ хорошъ и крѣпокъ; онъ попорченъ лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ немъ и теперъ стоятъ каменныя ворота, называемыя Золотыми. За валомъ и внутри его много пустыхъ разрушенныхъ церквей; въ нихъ нашлось бы не мало матеріалу, пригоднаго для каменной кладки, если бы было рѣшено строить каменный за́мокъ.

Таково было состояніе главнаго укрѣпленія въ краѣ; но для безопасности заселенныхъ южныхъ пустынь еще важнѣе были укрѣпленія, хотя и менѣе значительныя, но обращенныя къ самымъ степямъ, именно Черкасы, Каневъ, Бѣлая-Церковь, Житоміръ. Ревизоры нашли ихъ всѣ въ очень незавидномъ состояніи. Черкасскій за́мокъ лежитъ на горѣ недалеко отъ Днѣпра, тогда какъ городъ (городское поселеніе) во многихъ мѣстахъ сидитъ выше за́мка. Самый за́мокъ состоитъ изъ 4 башенъ и 35 городенъ, среди которыхъ стоитъ домъ старосты и ротмистра; всѣ башни и городни погнили и разваливаются. Рядомъ съ за́мкомъ лежитъ начатый, но брошенный новый за́мокъ на горѣ за городомъ; тамъ насыпанъ большой валъ на самомъ откосѣ горы; съ другой стороны—большое ровное поле. Этотъ заброшенный новый за́мокъ грозитъ великою опасностью для существующаго прежняго; если непріятель займетъ новый валъ, то можетъ обратить городъ въ ничто. Если бы новый за́мокъ былъ достроенъ, то онъ былъ бы много болѣе способенъ къ оборонѣ.

За́мокъ Каневскій имѣетъ 4 башни и 27 городенъ. Въ срединѣ за́мка одинъ только амбаръ, въ которомъ нѣтъ ничего и онъ стоитъ отвореннымъ, а также одна черная изба для драбовъ и одна городская изба. За́мокъ доступенъ для непріятеля съ двухъ сторонъ—именно отъ Черкасъ, гдѣ въ окрестныхъ горахъ можетъ укрыться непріятель, и отъ татарскихъ границъ, гдѣ прежде былъ пригородокъ и существуетъ большой валъ, весьма опасный для замка; по мнѣнію ревизоровъ здѣсь слѣдовало бы поставить парканъ и ворота.

Тоже самое замѣтили люстраторы въ Бѣлоцерковскомъ за́мкѣ, гдѣ также прежде былъ пригородокъ, въ которомъ непріятель можетъ найти опору и который тоже слѣдовало бы укрѣпить паркамомъ или въ противномъ случаѣ—заровнять валъ. Въ за́мкѣ 4 башни и 158 городенъ, но всѣ башни и городни непокрыты, погнили и развалились и потому ни къ чему негодны.

Въ Житомирскомъ зáмкѣ башенъ четыре и городенъ 34; внутри зáмка изба казенная („королевская") бѣлая, старостинская также бѣлая изба, а противъ ней пекарня; затѣмъ двѣ коморы, гдѣ прячутъ порохъ и др. припасы.

Наконецъ, Овруцкій зáмокъ стоитъ на насыпной горѣ, недалеко отъ р. Норини въ небезопасномъ мѣстѣ, пот. что его со всѣхъ сторонъ обошли горы съ большими оврагами. Онъ состоитъ изъ 4 башенъ и 36 городенъ; внутри одна церковь и 9 дворовъ княжескихъ, панскихъ и землянскихъ.

Вотъ всѣ укрѣпленіи на Украйнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ Литва сдала ихъ Польшѣ въ 1569 году. Люстраторы 1570 г. замѣтили, что въ Кіевскомъ воеводствѣ очень много пустыхъ городищъ; если бы ихъ застроить, то это послужило бы къ великой оборонѣ и защитѣ отъ непріятеля, не только для Кіевскаго воеводства, но и для всей Польши. Списокъ этихъ городищъ былъ составленъ членомъ люстраціонной комиссіи Яномъ Быстриковскимъ для доклада королю, съ указаніемъ, какія изъ этихъ городищъ наиболыше удобны для застройки.

Очевидно правительство соединеннаго государства, ясно видя неуспѣшность прежнихъ мѣръ колонизаціи и защиты Украйны въ эпоху Литовскаго государства, было снабжено общимъ и правильнымъ планомъ постановки этого дѣла на новыхъ началахъ.

Кромѣ ревизоровъ подобныя же указанія и совѣты на счетъ укрѣпленій Кіева и основанія зáмковъ въ немъ на другихъ мѣстахъ, дѣлали и стороннія лица, какъ биск. Кіев. Іосифъ Верещинскій въ своемъ „Sposobie osady nowego Kijowa" [1]).

Что же сдѣлано въ исполненіе этого плана—въ теченіи слѣдующаго полустолѣтія? Мы имѣемъ въ виду государственныя укрѣпленія, не касаясь частныхъ зáмковъ, о которыхъ нѣсколько словъ скажемъ ниже. Что касается до Кіевскаго зáмка, то Кіев-

---

[1]) См. Ukraina, str. 70—74.

скій воевода кн. Кон. Острожскій черезъ 22 года послѣ уніи, именно въ 1592 г. внесъ заявленіе на сеймъ „объ очень плохомъ состояніи города и за́мка Кіевскаго, а равно и Бѣлоцерковскаго, о нападеніи на городъ и Кіев. за́мокъ низовыхъ казаковъ и о томъ, что Кіевъ не имѣетъ ни укрѣпленій, ни оборонительныхъ средствъ; вообще это такія развалины, что непріятель можетъ проникнуть въ него отовсюду, откуда хочетъ. И дѣйствительно, низовые козаки нѣсколько разъ нападали на городъ и Кіевскій за́мокъ и силою захватили лучшія пушки, порохъ и всякіе артиллерійскіе снаряды и до сихъ поръ ихъ не возвратили. Неисправности въ Кіевскихъ укрѣпленіяхъ таковы, что требуютъ огромныхъ расходовъ и издержекъ для приведенія въ порядокъ; доходовъ же за́мка едва хватаетъ на содержаніе мѣстнаго уряда; воевода самъ не можетъ и не обязанъ исправлять это (на свой счетъ). Объ этомъ онъ воевода предостерегаетъ Рѣчь Посполитую; чтобы потомъ если сохрани Богъ, произойдетъ какая-либо опасность и несчастный случай, воевода не былъ виновенъ; онъ доноситъ королю и Рѣчи Посполитой, чтобы они позаботились о поправкѣ за́мка. Для этого онъ проситъ занести его протестацію въ книги“ [1]). Едва-ли справедливо обвинять князя Острожскаго, въ томъ, что онъ не принялъ такой громадный расходъ на себя [2]); государственныя потребности нельзя надѣяться удовлетворять подачками и добровольными пожертвованіями. Заявленіе кн. Острожскаго осталось безъ результатовъ. Такъ наступилъ конецъ XVI в. Въ 1605 г. Кіевскій за́мокъ сгорѣлъ отъ молніи и только черезъ два года послѣ этого—въ 1607 г. состоялась сеймовая конституція о возстановленіи его; по этой конституціи король обязанъ въ томъ же году приступить къ постройкѣ и вести ее поспѣшно при помощи воеводы Кіевскаго, подданныхъ Кіев. воеводства и мѣстныхъ мѣщанъ [3]), Однако исполненіе не соотвѣтствовало строгости консти-

---

[1]) Ukraina, str. 62–63.

[2]) Jbid.

[3]) Vol. leg. II. 495.

туціи: только въ 1616 г. войтъ Ходыка началъ нѣкоторыя работы: была срыта господствующая надъ за́мкомъ гора Вздыхальница; но когда въ 1618 г. воеводою, на мѣсто Жолкѣвскаго поставленъ слабый Том. Замойскій, а Ходыка лишился должности войта, въ городской же общинѣ взяла перевѣсъ партія сторонниковъ гетмана Сагайдачнаго, то работы надъ замкомъ были прерваны [1]). Въ такомъ состояніи и остался Кіев. за́мокъ, который, по словамъ Гейденштейна, «не стоитъ названія за́мка: онъ совсѣмъ заброшенъ и почти совершенно сгнилъ".

Одинъ изъ важнѣйшихъ для обороны южной границы замокъ Каневскій черезъ 30 лѣтъ послѣ уніи, т. е. въ 1598 г. дошелъ до такого состоянія, что потребовалась особая сеймовая конституція, состоявшаяся въ этомъ году, которою постановлено, что купцы всякой національности, вывозящіе наличныя деньги чрезъ границы Кіевскаго воеводства, обязаны платить пошлину отъ 10 зл. по 2 гроша; староста (кн. Ян. Острожскій) будетъ взимать эти деньги въ теченіи 10 лѣтъ и употреблять ихъ на постройку за́мка [2]). Итакъ развалившійся за́мокъ долженъ былъ ждать еще 10 л., пока соберутъ деньги. „Въ 1622 г. за́мокъ, повидимому, былъ въ очень неисправномъ состояніи" [3]). Въ другомъ столь же важномъ за́мкѣ Черкасскомъ въ 1622 г. „постройка вся старая и требуетъ исправленія" [4]). Овруцкій за́мокъ и въ 1629 г. „былъ въ наихудшемъ состояніи" [5]).

Вотъ факты, которые мы и авторъ Ukrainy беремъ изъ источниковъ, не подлежащихъ сомнѣнію; они показываютъ, что непосредственная дѣятельность государства по охранѣ Украйны была очень слаба. Ясное пониманіе задачъ и благія намѣренія остались безъ результата въ теченіи 60—70 лѣтъ послѣ уніи. И нельзя ви-

---

[1]) Ukraina, str. 74—75.
[2]) Vol. leg. II, 377.
[3]) Ukrainą, str. 81.
[4]) Jbid. 83.
[5]) Jbid. 79.

нить въ томъ правительство, особенно короля, потому что (благодаря новому государственному строю) государство не имѣло никакихъ или почти никакихъ финансовыхъ и личныхъ средствъ въ своемъ распоряженіи для непосредственнаго веденія колонизаціи.

Авторъ Ukrainy не указываетъ никакихъ другихъ мѣръ, какія были приняты правительствомъ послѣ уніи къ развитію колонизаціи; между тѣмъ нѣкоторыя мѣры, не требующія расходовъ и усилій, были принимаемы неоднократно. Дополнимъ эту рѣчь при помощи источниковъ. Заботы правительства о развитіи южно-русской колонизаціи засвидѣтельствованы рядомъ законодательныхъ и административныхъ актовъ разнообразнаго содержанія. Сюда относятся: а) распоряженія о производствѣ люстрацій, украинныхъ повѣтовъ: уже на самомъ сеймѣ 1569 г. была организована и удачно выполнена (1570) люстрація всѣхъ Кіевскихъ старостствъ. Послѣдующія попытки до 1616 г. были не столь удачны, хотя сеймъ предписывалъ каждый разъ весьма рѣшительныя мѣры для этой цѣли (съ угрозою штрафа въ 1000 грив. съ неисправныхъ люстраторовъ) [1]. Во всякомъ случаѣ правительство уже изъ люстрацій 1570 г. должно быть хорошо освѣдомлено о состояніи Украйны и о томъ, что нужно сдѣлать для нея (какъ указано выше);

б) мѣры по урегулированію движенія переселенцевъ на Украйну; сюда относятся многочисленныя сеймовыя конституціи противъ побѣговъ крестьянъ (ибо правительство не желало разрушить установившіеся соціальные порядки въ центральныхъ областяхъ ради заселенія окраинъ и надѣялось, но тщетно, что найдется и безъ того достаточно свободныхъ элементовъ въ населеніи для колонизаціи степей) [2];

в) попытки опредѣлить бытъ новыхъ поселенцевъ по Украйнѣ (въ сеймовыхъ конституціяхъ, королевскихъ грамотахъ и ревизор-

---

[1]) Vol. leg. II, 787, 1281, 1452, 1497; III, 304.

[2]) Нѣсколько цитатъ приводится ниже.

скихъ постановленіяхъ); такъ люстраторы 1570 г. въ каждомъ изъ украинскихъ городовъ установили общее подчиненіе мѣщанъ и бояръ старостѣ и ихъ повинности въ отношеніи къ зáмку, т. е. къ его защитѣ и ремонту; „для лучшаго порядка“ въ городской общинѣ, они въ каждомъ городѣ выбрали присяжнаго войта и при немъ двухъ присяжныхъ мѣщанъ подъ властію старосты; войтъ обязанъ тщательно наблюдать, чтобы сторóжа была постоянно въ форткахъ и воротахъ, и чтобы безъ вѣдома зáмковаго уряда никого не впускали въ городъ и никого не выпускали изъ города. Полевая сторóжа должна быть постоянно на обычномъ мѣстѣ; ей мѣщане и бояре обязаны платить, по давнему обычаю, 120 копъ лит. въ годъ. Начальникъ гарнизона (драбовъ)—ротмистръ не долженъ принимать осѣдлыхъ мѣщанъ и ихъ сыновей въ драбы. Староста не имѣетъ права брать пересудовъ (судебныхъ пошлинъ), винъ (штрафовъ), вижоваго (платы приставамъ) и сходнаго (пошлины при выходѣ изъ городской общины) свыше положеннаго въ королевскомъ постановленіи; мировыя куницы (пошлины за мировую сдѣлку) платятся въ пользу уряда въ количествѣ 12 грош. только въ томъ случаѣ, если жалоба была уже заявлена уряду. Торговцы, пріѣзжающіе съ товарами, особенно же кіевляне, должны объявлять себя уряду. Мѣщане не имѣютъ права вывозить на Низъ къ козакамъ свинецъ, олово, порохъ, селитру и другія подобн. вещи. Въ остальномъ мѣщане удерживаются при своихъ стародавнихъ обычаяхъ [1]). Мы не знаемъ въ точности, какими общинными порядками управленія руководствовались жители украинскихъ городовъ до того времени; но не сомнѣваемся, что и тогда въ этихъ городахъ практиковались формы самоуправленія подобныя тѣмъ, какія были общеприняты въ волостяхъ центральныхъ провинцій, т. е. чрезъ выборныхъ и общіе сходы. Теперь же хотя правительство нашло нужнымъ приспособить ихъ къ особенностямъ украинскаго быта, но въ очень слабой степени. Вообще же въ

---

[1]) См. № 1.

другихъ актахъ (напр. въ жалов. грамотахъ) правительство стремилось къ установленію на Украйнѣ общихъ порядковъ мѣщанскаго и крестьянскаго быта [1]), упуская изъ виду военныя особенности Украйны.

г) Мѣры, клонящіяся къ реорганизаціи казачества [2]) и къ искорененію его [3]).

Нѣкоторыя изъ поименованныхъ мѣръ имѣютъ огромную важность для оцѣнки правительственной дѣятельности въ вопросѣ о колонизаціи; но мы не будемъ входить теперь въ ихъ оцѣнку, имѣя въ виду коснуться ихъ ниже. Пока достаточно сказать, что все это были косвенныя мѣры; непосредственныхъ же, реальныхъ колонизаціонныхъ мѣръ центральное правительство не принимало не только до кор. Стефана Баторія, но и при этомъ энергическомъ государѣ, который лучше и яснѣе всѣхъ государственныхъ дѣятелей Польши понималъ великое значеніе для государства правильной колонизаціи южныхъ окраинъ. Авторъ Ukrainy, дѣлая общій выводъ по этому вопросу, справедливо утверждаетъ, что веденіе колонизаціи непосредственно силами государства было *несогласно съ духомъ польскаго госуд. устройства*. Онъ говоритъ: „Система сосѣдняго царства московскаго, практиковавшаяся издавна, т. е. система постояннаго движенія въ глубь степей линіями укрѣпленныхъ засѣкъ, къ несчастію не могла быть примѣромъ (для Польши) уже по самой сущности политическаго строя двухъ государствъ“ [4]). Государственное начало въ Польшѣ, по мнѣнію этого автора, должно было уступать частному.—Такъ исправляется другая ошибочная мысль, именно о государств. власти какъ главномъ дѣятелѣ украинской колонизаціи,—исправляется при помощи всесторонней добросовѣстности самого автора Ukrainy.

---

[1]) См. №№ VII, XV, XIX, XXI.

[2]) 1572—1590 г. Vol. leg. II, 1330—1332.

[3]) 1593 г. Vol. leg. II, 1402; 1596, 1609, 1613 годовъ.

[4]) Ukraina, str. 68.

II.

Существенная особенность государственнаго строя Польши, дѣйствительно, состояла въ преобладаніи силы частныхъ лицъ—гражданъ (высшаго класса) надъ силами государства. Частнымъ лицамъ государство передало и задачу колонизаціи своихъ южныхъ окраинъ, именно а) чрезъ *раздачу пустынь* частнымъ владѣльцамъ въ собственность съ цѣлью заселенія ихъ; б) чрезъ возбужденіе частнаго интереса старостъ на коронныхъ земляхъ, которыя предоставляемы были имъ на пожизненномъ правѣ владѣнія, или на два „доживотья", съ тою же цѣлью.

Мы уже сказали, что документовъ о частно-владѣльческой колонизаціи издано еще недостаточно, а потому этого предмета коснемся лишь въ той мѣрѣ, въ какой говорятъ о нихъ другіе писатели, не принимая на себя отвѣтственности за выводы.

Раздача земель частнымъ собственникамъ съ цѣлію заселенія ихъ началась съ незапамятной древности. Производилась она и въ Литовскомъ государствѣ. Но какъ главная мѣра колонизаціи она предпринята и предписана закономъ лишь тогда, когда Южная Русь присоединена къ Польшѣ въ 1569 году. Главнымъ иниціаторомъ системы раздачи пустынь въ собственность частнымъ лицамъ и въ долговременное владѣніе старостамъ справедливо считаютъ короля Стефана Баторія. Этими мѣрами окончательно подорвана сила (гл. обр. финансовая) государственной власти тѣмъ самымъ государемъ, который выдѣляется изъ всѣхъ королей послѣ-ягеллоновской эпохи своею энергіею и временнымъ поднятіемъ престижа власти. Такой circulus vitiosus весьма часто совершается исторіею: для явной пользы государства принимаются мѣры, подкапывающія однако его фундаментъ. Чрезъ раздачу коронныхъ земель частнымъ лицамъ, и именно магнатамъ, навсегда уничтоженъ запасъ средствъ государства и центръ тяжести власти переходитъ въ руки вельможъ.

Итакъ, главнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ средствомъ колонизаціи была признана въ концѣ XVI в. раздача украинныхъ пустынь панамъ и шляхетству. Конституціею сейма 1590 г. „о роздачѣ пустынь, лежащихъ за Бѣлою Церковію“ [1]), королю дано разрѣшеніе на раздачу не только степей, лежащихъ непосредственно за Бѣлою Церковію (какъ можно было бы думать судя по заглавію ея), но и всѣхъ степныхъ пространствъ на обоихъ берегахъ Днѣпра до Московскихъ границъ. Редакція этой статьи въ Vol leg. очень путанная, а именно она гласитъ: „пространства пустыхъ мѣстъ на пограничьи за Бѣлою Церковію не приносятъ никакой пользы ни государственной, ни частной; слѣдуетъ обратить ихъ къ какой нибудь пользѣ, чтобы они даромъ не пустовали. А потому (говоритъ король), за позволеніемъ и полномочіемъ, дарованнымъ намъ отъ всѣхъ чиновъ сейма, постановляемъ, что мы будемъ раздавать тѣ пустыни въ вѣчную собственность лицамъ шляхетскаго сословія за заслуги намъ и Рѣчи Посполитой, по волѣ и разумѣнію нашему. А именно (отдаемъ) монастырь Терехтемировскій надъ Днѣпромъ, Борисполь съ селищемъ Иванковскимъ, городище Влодерецкое съ селищемъ въ Зволозѣ (разумѣется Володарка, древній Розволожъ, въ послѣдующее время—центръ громадныхъ владѣній кн. Збаражскихъ на р. Роси), прозываемымъ Великая Слобода надъ р. Росью и съ Рокитнею надъ тою же рѣкою и съ Рокитною, (sic), тремъ лицамъ согласно съ ихъ привилегіями, а также Горошу и Слепородъ надъ р. Неущею близъ границы Московской“. Если въ этомъ измѣненіи названій и смѣшеніи мѣстностей (частію не имѣющихъ никакого отношенія къ Бѣлой Церкви) не видѣть искаженій текста конституціи, то мы имѣемъ здѣсь яркій примѣръ того, какъ могли какіе то три лица (непоименованныя) вводить въ заблужденіе правительство о дѣйствительномъ протяженіи и состояніи южной территоріи государства.—Мы не знаемъ о какихъ трехъ лицахъ говоритъ конституція, но знаемъ, что на основаніи

---

[1]) Vol leg II, 318.

ея послѣдовала раздача южно-русскихъ степей, кромѣ князей Збарожскихъ, князьямъ Вишневецкимъ, кн. Острожскимъ, кн. Корецкимъ, кн. Ружинскимъ и Даниловичамъ [1]).

Въ пустыняхъ Браславщины такая же огульная раздача земли частнымъ лицамъ проявилась между прочимъ въ единовременномъ пожалованіи цѣлаго края одному лицу; именно на сеймѣ 1609 г. состоялось слѣд. постановленіе: „Внесена была просьба къ намъ (говоритъ король) отъ земскихъ пословъ, чтобы мы, за великія и кровавыя заслуги Валентія Александра Калиновскаго, старосты Винницкаго и Браславскаго, пожаловали ему на правахъ собственности пустыню, называемую Умань, лежащую въ стар. Браславскомъ, въ тѣхъ предѣлахъ ея, въ какихъ она заключается по своимъ урочищамъ, на что мы и соизволяемъ“ [2]). Для опредѣленія границъ ея были высланы отъ сейма комиссары, которые составили особый актъ ея описанія [3]). Король, который обѣщался выдать грамоту на основаніи донесенія этихъ ревизоровъ, „сообразно съ количествомъ и качествомъ“ степи, пожаловалъ однако ее всю, со всѣмъ ея необозримымъ просторомъ. Это привело потомъ къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ Калиновскихъ въ Браславщинѣ, такъ что цѣлая громадная страна попала въ руки одной фамиліи. Уманская пустыня, по указанію ревизоровъ, лежала между двумя татарскими шляхами—Кривошаравскимъ и Удыцкимъ, между р.р. Удычемъ, Бугомъ, Синей Водой, Ятранью и Рабанью. Протяженіе ея коммиссары опредѣлили въ 7 миль (эта цифра слишкомъ мала и совершенно не соотвѣтствуетъ указанному географическому протяженію Уманщины).

---

[1]) Щедрая раздача Кіевскихъ земель началась еще раньше конституціи 1590 г. Такъ въ 1581 г. при Стефанѣ Баторіи отдана въ вѣчную собственность Кирику Ружинскому Котельня „cum attentis omnibus“, по ходатайству сенаторовъ и земскихъ полковъ (Vol leg. II, 212). Приводимъ эти случаи только для примѣра, не имѣя въ виду здѣсь опредѣлять полностью размѣры панской колонизаціи.

[2]) Vol. leg. II, 468.

[3]) Арх. Ю. З. Р. Ч. VII, т. I, № XX.

Коронныя земли въ южныхъ степяхъ, переходившія въ руки частныхъ лицъ путемъ законнаго пожалованія, составляютъ лишь небольшую часть сравнительно съ имуществами, пріобрѣтенными путемъ *оккупаціи* безъ всякихъ правъ. Уже люстраторы 1570 г. отмѣтили относительно Кіевскаго воеводства, что во всѣхъ староствахъ этого воеводства, частныя лица захватили и удерживаютъ множество коронныхъ земель (siła gruntow), не имѣя на нихъ правъ, такъ что при всѣхъ тѣхъ замкахъ (кіевской земли) шляхта, архимандриты, митрополиты и прочее духовенство греч. церкви, все побрали и заселили (posiedli) неизвѣстно по какому праву, ибо правъ своихъ не хотѣли показать намъ“ [1]).

Оккупація пустыхъ земель монастырями и митрополитами есть, однако, капля въ морѣ сравнительно со смѣлыми захватами громадныхъ пространствъ Вишневецкими, Острожскими [2]), Ружинскими, Даниловичами, Корецкими, Заславскими, Збаражскими [3]), Потоцкими, Калиновскими и другими менѣе значительными фамиліями.

Разумѣется такой захватъ нельзя бы ставить на счетъ правительству, если бы оно послѣдующими актами, и даже щедрыми, привилегіями не санкціонировало его въ видахъ (мнимой) колонизаціонной пользы.

Особый видъ поощренія частной колонизаціи составляетъ *снятіе зависимаго (леннаго характера)* съ прежнихъ пожалованныхъ имѣній, которыя хотя отчасти подлежали вліянію и власти государства. Эта мѣра примѣнена очевидно ко всѣмъ имѣніямъ—въ Подольѣ и Руси. Еще на сеймѣ 1567 г. было рѣшено роздать на вѣчность опустѣвшія мѣста на Подольѣ съ цѣлію заселенія ихъ. На сеймѣ 1576 г., послѣ новаго опустошенія тѣхъ странъ татарами, было рѣшено отправить комиссаровъ, чтобы они, по осмотрѣ

---

[1]) См. этого тома № 1 стр. 22.

[2]) См. Арх. Ю. З. Р. Ч. VII, т. I стр. 315.

[3]) См. Арх. Ю. З. Р. Ч. VII, т. I стр. 295—296 и этого тома стр. 50.

мѣстъ, доложили, какія изъ нихъ подлежали раздачѣ [1]). Въ той же конституціи 1576 г. было постановлено, что ленными правами должны быть признаваемы на Руси и въ Подольѣ только тѣ, которыя возникли послѣ статута кор. Александра 1504 г. Наконецъ конституціею сейма 1588 года было постановлено, что ни одно изъ имѣній въ воеводствахъ Подольскомъ и Русскомъ не подлежитъ ограниченіямъ по закону „de alienandis bonis mensae nostrae regiae", т. е. всѣ такія имѣнія могутъ быть предметомъ свободнаго гражд. оборота, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ уже начался процессъ [2]).

Въ прежнихъ Литовскихъ воеводствахъ снятіе служебнаго характера съ частнаго землевладѣнія явилось общимъ послѣдствіемъ акта уніи, безъ особыхъ новыхъ распоряженій. Уже въ 1570 г. люстраторы Кіев. воеводства тщетно публиковали во всѣхъ староствахъ, чтобы каждый шелъ предъявлять привилегіи прежнихъ королей, буде ихъ имѣетъ, именно по той причинѣ, „что при тѣхъ украинныхъ замкахъ было много такихъ земянъ и шляхты, которые, кромѣ земской службы, всегда обязаны были выѣзжать при старостѣ противъ непріятеля и оказывать другія услуги замку; теперь же они, опираясь на привилегію, данную при уніи, хотятъ сравниться со старинною шляхтою и служатъ съ нею и не хотятъ отправлять обычныхъ службъ и заявляютъ вообще, что они—вольные люди" [3]). Въ частности Кіевскіе люстраторы 1570 г. отмѣчаютъ, что служить кіевскому замку некому; старинные Кіевскіе бояре Заушане, показали копію съ королевской грамоты, которою эти бояре освобождены отъ службъ замку, и оставлены при вольностяхъ шляхетскихъ, такъ что они обязаны только земскою общею службою вмѣстѣ съ другими шляхтичами земли Кіевской. Бояре Позняки обязанностію которыхъ было ѣздить на стражу, добывать вѣстей

---

[1]) Vol. leg II, 164.
[2]) Vol. leg. II, ст. 252.
[3]) См. этого тома стр. 22.

о непріятеляхъ и увѣдомлять о нихъ замки,—эти бояре „голыми словами объявили, что они освобождены отъ такихъ службъ за дарованною имъ вольностью и привилегіею королевскою“. Ревизоры заключаютъ: „къ великой опасности для Кіев. замка, уже некого послать для осмотра шляховъ татарскихъ, не съ кѣмъ отправить письма въ другіе ближайшіе замки; требуется особенная милость и вниманіе его кор. вел-ва чтобы измыслить средства, на какія могли быть содержимы такіе слуги въ замкѣ Кіевскомъ“ [1]).

Говоря объ Овручѣ люстраторы заявляютъ, что не могли измыслить никакихъ средствъ для поправки замка, потому что король даровалъ привилегіи, которыми паны—шляхта защищаются отъ строительныхъ повинностей“ [2]).

Какъ пожалованіе было источникомъ крупнаго землевладѣнія на Украинѣ, такъ превращеніе служило—боярскихъ владѣній въ свободно—шляхетскія было источникомъ обширнаго развитія мелкихъ шляхетскихъ участковъ. Первое, несомнѣнно болѣе характеризуетъ украинское землевладѣніе, чѣмъ второе; однако и мелкіе участки своею громадною численностію конкурируютъ въ сѣверн. Кіевщинѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ. Развитіе этого типа владѣнія для Украины имѣло и соціальныя послѣдствія: бояре, прежде стоявшіе въ тѣснѣйшей связи съ мѣщанами (и вообще свободнымъ населеніемъ повѣтовъ), по отношеніи къ служилымъ обязанностямъ и къ общимъ правамъ на землю, теперь совершенно выдѣляются отъ прочихъ группъ населенія какъ лично такъ и по имуществу; новымъ военнослужилымъ людямъ (козакамъ) сдѣлалось труднѣе примыкать къ городской общинѣ.

Въ отношеніи къ имуществамъ, которыя и прежде состояли въ частномъ владѣніи, государство обнаружило щедрость другаго рода: каждый владѣлецъ, намѣревавшійся построить въ своемъ имѣніи замокъ для защиты отъ татаръ и для привлеченія посе-

---

[1]) См. этого тома стр. 7.
[2]) См. этого тома стр, 22.

ленцевъ, просилъ и каждый безъ исключенія получалъ *право возвести* свое владѣніе *въ значеніе города* или, по крайней мѣрѣ, *мѣстечка*. Съ дарованіемъ же этого права соединялась передача владѣльцу государствомъ своего верховнаго права суда, повинностей и податей, кромѣ подымнаго и питейныхъ (но съ установленіемъ и для этихъ послѣднихъ долгосрочныхъ льготъ). Выходя изъ рукъ государства, эти права отнюдь не попадали въ руки населенія; они сосредоточивались въ рукахъ владѣльцевъ. Временно льготы могли соблазнить поселенцевъ, но потомъ и они сами и права ихъ находились въ безусловной власти собственника земли.—Подобныя привилегіи съ цѣлію колонизаціи даны на Украинѣ слѣд. лицамъ: кн. Вишневецкому на основаніе мѣстечка въ Александровѣ на р. Сулѣ 1591 г. [1]), ему же на магдебургское право г. Пирятину, основанному подъ названіемъ Михайлова въ 1592 г. [2]); Яцку Бутовичу на основаніе м. Брусилова въ Кіев. воев. 1583 [3]); Прокопу Мервицкому—на основаніе м. Искоростина въ Кіев. воев., въ 1589 [4]); Гнѣвошу Стрижевскому на основаніе города въ Яновѣ [5]) въ Браславскомъ воев.; Вас. Шашковичу на основаніе гор. Нов. Вышковецъ въ томъ же воевод. въ 1593 г. [6]). Все это, конечно, составляетъ лишь ничтожную частичку дѣйствительнаго числа пожалованій, данныхъ въ концѣ XVI и нач. XVII в.

Достигло ли государство щедрою раздачею земель и правъ частнымъ лицамъ предположенной цѣли? Каковъ былъ успѣхъ колонизаціи на частновладѣльческихъ земляхъ? Факты и цифры, повидимому, свидѣтельствуютъ о неимовѣрно-быстромъ и огромномъ успѣхѣ дѣла. Если взять періодъ отъ 1590 г. (т. е. отъ вышеприведенной сеймовой конституціи) до 1631 года (до тарифы этого

---

1) См. этого тома № XIX.
2) № XXI.
3) № XV.
4) № XVIII.
5) № XIII.
6) XXII.

года), т. е. пространство времени только въ 40 лѣтъ, то необычайное измѣненіе вида прежнихъ пустынь становится поистинѣ невѣроятнымъ. Намъ извѣстны эти пустыни по люстраціямъ половины XVI в., когда въ цѣломъ повѣтѣ небольшая горсть населенія частныхъ имѣній ютится вся въ центральномъ городѣ и оттуда совершаетъ временныя экскурсіи въ окрестныя степи для земледѣльческой обработки ихъ или чаще для охотничьихъ и рыбныхъ промысловъ, подъ постояннымъ страхомъ потери не только плодовъ труда, но и жизни отъ внезапныхъ наѣздовъ татаръ. Теперь, черезъ 40 лѣтъ, таже страна кишитъ городами, мѣстечками, селами, хуторами. Процвѣтаютъ не только охотничьи промыслы и земледѣліе, но и торговля и ремесла, корчмы, мельницы, кузни, рудокопныя заведенія. Вездѣ есть церкви, многочисленное духовенство обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; въ главныхъ городахъ появляются даже просвѣтительныя учрежденія. Мы уже сказали, что фактическій матеріалъ въ значительной степени (хотя и не вполнѣ) подобранъ въ Ukrainie, а потому не представляя другихъ данныхъ[1]), сошлемся на выводы этой замѣчательной книги. На стр. 58—59 ея помѣщена общая таблица населенія Украйны около 1625 г. Въ ней показаны слѣд. итоги числа населенныхъ мѣстъ, домовъ и жителей въ степныхъ (прежде пустовавшихъ) повѣтахъ:

	Нас. мѣстъ	домовъ	людей
Житомірскомъ	251	3970	23820
Кіевскомъ	187	3325	37950
Бѣлоцерковскомъ	130	3040	18240
Каневскомъ и Корсун.	96	4630	27780
Черкасскомъ	94	5260	31560

[1]) Имѣемъ въ виду въ особенности тарифу 1631 года (Арх. Ю.-З. Р. Ч. VII, т. I, № XVII) и списокъ владѣній Іеремія Вишневецкаго на Украйнѣ, взятый (изъ неизвѣстнаго источника) П. А. Кулишемъ (Ист. возсоед. т. I, стр. 26 -27), по которому въ однихъ этихъ владѣніяхъ въ 40-хъ годахъ XVII в. было около 40,000 (39862) домовъ, т. е. приблизительно 200 т. душъ. Само собою разумѣется, что и всѣ эти цифры—приблизительныя.

	Нас. мѣстъ	домовъ	людей
Переяславскомъ	86	4165	24990
Миргородскомъ	32	850	5100
Винницкомъ	195	25455	152670
Брацлавскомъ	167	22810	136860
Звенигородскомъ	40	2635	21810

Впрочемъ нѣтъ никакой нужды распространяться объ общепризнанномъ фактѣ быстраго распространенія колонизаціи на Украйнѣ, между прочимъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Но едвали можно считать уже окончательно порѣшеннымъ вопросъ: отъ какихъ причинъ зависѣлъ этотъ замѣчательный фактъ? Насколько слѣдуетъ его приписать владѣльцамъ и какимъ-либо мѣрамъ, ими принятымъ?.

Отвѣчая на эти вопросы, мы будемъ придерживаться главн. образ. мнѣнія и соображеній автора Ukrainy при помощи имъ же указанныхъ фактовъ, съ присоединеніемъ другихъ.

Само по себѣ развитіе частнаго землевладѣнія не можетъ считаться факторомъ, непременно ведущимъ къ заселенію страны. Въ степяхъ Украйны и въ началѣ XVI в. и даже раньше были частные владѣльцы: князья Глинскіе, Байбузы, кн. Домонты, Проскуры и друг. Самый Переяславъ принадлежалъ какимъ то наслѣдственнымъ панамъ. Эти владѣнія обнимали почти всю нынѣшнюю Полтавщину и частію южные предѣлы правобережныя. Однако это не мѣшало такимъ владѣніямъ оставаться пустынею. Вѣдь эти Глинскіе, Домонты и проч. также желали себѣ добра не менѣе своихъ преемниковъ—Вишневецкихъ, Даниловичей, Корецкихъ, Збаражскихъ, Калиновскихъ и Потоцкихъ. Они также должны бы стараться о снабженіи своихъ пустынь населеніемъ. Въ чемъ же разница положенія старыхъ и новыхъ владѣльцевъ Украйны? Если дѣло состояло бы въ томъ, что первыхъ было меньше, а вторыхъ (при крайне щедрой раздачѣ государственныхъ земель) несравненно больше, то и въ этомъ не было бы достаточнаго объясненія, ибо

авторъ Ukrainy справедливо говоритъ, что лишь крупное землевладѣніе должно быть принимаемо въ разсчетъ [1]); только могущественные владѣльцы—князья и паны были въ силахъ принять на себя бремя колонизаціи. А именно:

1. Главнѣйшее основаніе успѣха колонизаціи состояло въ томъ, чтобы обезопасить новыя поселенія отъ губительныхъ вторженій татаръ; а это могло быть достигнуто только чрезъ устройство надежныхъ зȁмковъ-укрѣпленій въ каждомъ имѣніи. Сильные паны, явившіеся съ Волыни и изъ Польши, дѣйствительно, будтобы осуществили это условіе [2]).

Но въ этомъ-то и позволительно усомниться. Къ сомнѣнію приводятъ два слѣдующ. факта: а) подлинныя историческія свидѣтельства о томъ, что во все теченіе эпохи отъ уніи 1569 года до Б. Хмельницкаго татарскія вторженія въ глубь Украйны (до самаго Кіева) продолжались по прежнему почти каждый годъ (какъ мы о томъ уже говорили); при этомъ ни одинъ частновладѣльческій зȁмокъ ниразу не выдержалъ осады, кромѣ Фастова—зȁмка кіевскаго бискупа; но и тотъ въ концѣ концовъ былъ взятъ и сожженъ въ 1606 году [3]); б) распоряженіе правительства (констит. 1590 г.) о томъ, чтобы при извѣстіи о нападеніяхъ татаръ пушки и другое оружіе вывозить изъ частныхъ зȁмковъ, потому что ими обыкновенно завладѣваетъ непріятель на вящую гибель государства [4]).

Въ самомъ дѣлѣ громадное большинство частныхъ т. н. замковъ были не болѣе, какъ огороженные тыномъ дворы-резиденціи владѣльцевъ. Самые города и мѣстечки также почти повсемѣстно были деревянные—или рубленные, или сложенные изъ стоячихъ бревенъ. Зȁмки, болѣе прочные, составляютъ ничтожное исключеніе; напр.

---

[1]) Ukraina, str. 119.
[2]) Ukraina, str. 68.
[3]) Кіев. Центр. Арх. кн. 10, № 255.
[4]) Vol. leg. II. стр. 1329. См. ниже.

намъ извѣстенъ случай, что Аксакъ въ Гуляникахъ основалъ за̀мокъ на самомъ черномъ шляху съ четырмя каменными башнями, 8-большими деревянными и 15-меньшими. Въ громадномъ же большинствѣ частные за̀мки были совершенно безполезны для защиты отъ татаръ и годились (и то отчасти и не всегда) для отпора сосѣдямъ-панамъ при постоянныхъ вражескихъ наѣздахъ другъ на друга. Не спасали они и отъ своихъ непослушныхъ поселенцевъ, т. е. козаковъ, которые въ концѣ концовъ снесли ихъ всѣ до единаго.

Съ этимъ согласенъ авторъ Ukrainy, приводя, какъ и мы, свидѣтельство конституціи 1590 г. о томъ, что такимъ закономъ было предписано тѣмъ, которые желаютъ сохранить свои за̀мки, чтобы они снабжали ихъ людьми, оружіемъ и провіантомъ, въ количествѣ достаточномъ для защиты и сопротивленія непріятелю. А если кто не можетъ, или не хочетъ, или мѣстность не позволяетъ укрѣпить въ той степени, чтобы быть въ состояніи выдержать внезапныя и сильныя нападенія,—за̀мки такихъ владѣльцевъ должны быть разрушаемы и сожигаемы. Гетману коронному дано право сносить и сжигать за̀мки, которые не могутъ противиться непріятелю [1]),

2. Другое средство, находившееся въ рукахъ владѣльцевъ, для привлеченія колонистовъ, есть устройство для нихъ экономическаго быта, лучшаго сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ они находились на своей родинѣ. Дѣло начиналось съ постановки „столба на волю“. На самомъ столбѣ и въ отдѣльныхъ „патентахъ“ опредѣлялись льготныя условія для новыхъ поселенцевъ; основаніемъ поселеній завѣдывали обыкновенно не сами владѣльцы, а сторонніе люди—„осадцы“. Для привлеченія колонистовъ, во-перв., служили временныя средства, а именно *воля*, т. е. льготы на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ (или почти всѣхъ) платежей и повинностей.

---

[1]) Ukraina, str. 91.

Льгота на Украйнѣ давалась многолѣтняя: обыкновенно на 20 л., но часто до 30 (въ Сквирѣ, Крыловѣ), а въ староствѣ Браславскомъ—до 40 [1]). Иногда при этомъ владѣлецъ приготовлялъ переселенцамъ хаты [2]), но б. ч. они должны были устраиваться сами. Многіе, предвидя скорую необходимость дальнѣйшаго переселенія (о чемъ ниже), не устраивались вовсе, а проживали въ ямахъ и въ лѣсахъ. Долголѣтняя воля, обыкновенно, не приводила къ прочной осѣдлости: переселенцы заблаговременно до истеченія льготы уходили дальше въ колоніи болѣе южныя или болѣе безопасныя и просторныя: изъ сѣверныхъ повѣтовъ Кіевщины въ среднія степныя пространства, изъ среднихъ въ южныя и за Днѣпръ [3]). Въ самомъ заднѣпровьи продолжалось „мѣстное бѣгство крестьянъ, которые, отсидѣвъ волю, не хотѣли нести тяжелыхъ повинностей"; такъ въ 1618 г., при вводѣ во владѣніе кн. Раины Вишневецкой, крестьяне ея заднѣпровскихъ имѣній, „съ великими жалобами и плачемъ заявляли, что князь панъ (каштелянъ) кіевскій, вытягивая неслыханныя денежныя платы, поборы скотомъ, медомъ..., въ конецъ ихъ разорилъ и обратилъ въ нищихъ, почему чуть не половина ихъ разбѣжалась" [4]). Само собою понятно, что владѣльцамъ казалось очень невыгоднымъ призывать новыхъ поселенцевъ на мѣсто сбѣжавшихъ и давать этимъ новыя долгосрочныя льготы; при такомъ порядкѣ владѣлецъ никогда бы не дождался прочнаго населенія въ своихъ владѣніяхъ и колонизація степей осталась бы безплодною: населеніе уходило бы все дальше на югъ, ища себѣ невременныхъ (хотя бы и долговременныхъ) льготъ, а полной сво-

---

[1]) См. Ukraina, str. 122.

[2]) Кн. Конст. Конст. Острожскій, купивши у Дорогостайскихъ Обуховскія имѣнія ихъ, приступилъ къ заселенію такъ: на нѣсколькихъ возахъ привезли старыя хаты, скинули ихъ на берегу р. Красной, затѣмъ привезли ихъ на чужое мѣсто, принадлежавшее сосѣдямъ Трипольскимъ (какъ заявляли потомъ эти послѣдніе)—и дѣлу конецъ; возникла новая слобода (Рѣш. подком. Кіев. суда, ркп.).

[3]) Ukraina, str. 131—136.

[4]) Ibid. 136—137.

боды, чего многіе и достигали въ запорожскихъ козацкихъ общинахъ. А потому владѣльцы сразу и самостоятельно *вводятъ на Украйнѣ прикрѣпленіе крестьянъ*, даже не отсидѣвшихъ еще воли. Авторъ Ukrainy приводитъ только одинъ фактъ 1586 года, когда слуги кн. Богуша Корецкаго возвращаютъ силою назадъ крестьянъ, сбѣжавшихъ въ имѣніе кн. Острожскихъ; но въ Вильскѣ (принадлежавшемъ Острожскимъ) мѣстный войтъ съ мѣщанами нападаютъ на слугъ кн. Корецкаго, бьютъ и топятъ, при чемъ гибнетъ 6 шляхтичей, а взятыхъ крестьянъ освобождаютъ" [1]). Но не этотъ одинъ фактъ, а многія сотни и тысячи такихъ же, повторяющихся каждогодно, можно было нагромоздить здѣсь изъ актовыхъ книгъ между прочимъ по указателю, напечатанному въ XXI т. Zr. Dziej. [2]); нѣкоторые немногіе изъ нихъ приведемъ ниже.

Введя фактическое прикрѣпленіе, владѣльцы, по минованіи срока льготъ, могутъ не стѣсняться рамками повинностей, установленныхъ первоначальными „патентами", какъ это и видно изъ приведеннаго сейчасъ акта относительно князей Вишневецкихъ. При начальномъ призывѣ переселенцевъ, дѣйствительно, владѣльцы не скупились на обѣщанія правъ и льготъ крестьянамъ и не говорили о прикрѣпленіи [3]). Но поселенцы видѣли ясно, къ чему приведутъ неизбѣжно эти заманчивыя обѣщанія, а потому заблаговременно и предавались бѣгству. Разумѣется, всѣ не могли уйти въ ближайшія къ Запорожью свободныя мѣста; множество оставалось еще на Украйнѣ подъ дѣйствіемъ льготъ. Что же будетъ, когда льготы истекутъ, а переселяться уже некуда? Если мы примемъ въ разсчетъ, что разгаръ колонизаціи начался въ самомъ концѣ XVI в., и долговременныя льготы (30, 40 л.) истекали въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в., то легко поймемъ, почему именно въ эти

---

[1]) Ukraina, str. 138.

[2]) См. Źr. Dz. XXI, str. 11, 13, 18, 20, 21, 22, 27, 28, 30, 31, 33, 35, 37, 38 и пр., и пр. и пр.

[3]) См., напр., патентъ Слупицы, въ „Кiев. Стар.", 1886 г. іюль.

десятилѣтія начались общія возстанія крестьянъ и козаковъ, окончившіяся катастрофою 1648 г.

Такъ неудачно было примѣненіе и второго средства для развитія колонизаціи, бывшаго въ рукахъ владѣльцевъ, именно устройства лучшаго экономическаго и соціальнаго быта поселенцевъ на Украйнѣ; даже искренно стремившіеся къ тому владѣльцы не успѣли примѣнить и выждать результатовъ этой дѣйствительнѣйшей мѣры.

Говорятъ еще объ одномъ средствѣ для успѣха частновладѣльческой колонизаціи, о средствѣ не только не нормальномъ, но вполнѣ преступномъ, а именно: пріемѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ и въ укрывательствѣ ихъ отъ наказаній: „не малое значеніе (говоритъ авторъ „Украйны“) имѣла безнаказанность, которую гарантировали (владѣльцы) на новыхъ поселеніяхъ преступникамъ всякаго рода, въ чемъ обвиняли даже канцлера Замойскаго“ [1]). Едвали ли по этому поводу можно говорить о *заслугахъ* частныхъ *владѣльцевъ* для колонизаціи Украйны.

3. Однимъ изъ употребительнѣйшихъ и сильнѣйшихъ средствъ частновладѣльческой колонизаціи было *насильственное отнятіе* крестьянъ у сосѣдей; возникъ особый классъ людей, профессіею которыхъ было похищеніе крестьянъ; это т. н. „выкотцы“; они дѣйствовали и силою и хитростію.

4. Отсутствіе внѣшней безопасности и введеніе прикрѣпленія отнюдь не единственныя обстоятельства, которыя могли препятствовать колонизаціи въ эпоху широкаго развитія частнаго землевладѣнія на Украйнѣ. Самое это расширеніе частнаго землевладѣнія создало новое условіе *внутренней небезопасности*. Новые владѣльцы, особенно сильные князья и паны, захватывая степныя земли, при совершенной неопредѣленности здѣсь границъ владѣній и правъ на землю, ведутъ между собою непрерывныя войны, отъ которыхъ гибнутъ поселенцы десятками и сотнями. „Заселеніе

---

[1]) Ukraina, str. 122.

пустынь... (говоритъ авторъ Ukrainy) по существу дѣла должно было стать ареною анархическаго проявленія индивидуализма всѣхъ безъ исключенія слоевъ украинскаго общества" [1]). Соглашаясь вполнѣ съ этимъ авторомъ, мы должны только точнѣе опредѣлить, въ чемъ заключается эта „анархія", при помощи его же соображеній и фактовъ, имъ собранныхъ (съ добавленіемъ нѣкоторыхъ). Споры о владѣніяхъ и границахъ ихъ рѣдко разрѣшались судомъ; вельможи считали для себя позорнымъ судиться съ мелкою сошкою; изрѣдка судились только съ равными; они расправлялись между собою оружіемъ [2]). Много фактовъ этого рода подобрано въ томѣ XXI Zród. Dziej (въ реестрѣ актовъ трибунала) [3]); но ими можно наполнить многіе томы по документамъ Кіев. Центр. Архива; наѣзды владѣльцевъ другъ на друга, какъ извѣстно, совершались очень часто во всѣхъ областяхъ Польши и Литвы; но особенныя обстоятельства Украйны (какъ упомянуто сейчасъ) обратили ихъ въ постоянный и т. ск. нормальный порядокъ.

Само собою понятно, какъ это отражалось на поселенцахъ-крестьянахъ и мѣщанахъ. Захвативъ чужую землю, панъ-колонизаторъ спѣшилъ основать новую слободу, чтобы этимъ закрѣпить безправный захватъ: въ 1611 г. Олизаръ Волковичъ, захвативъ у Немиричей Черneховъ и другія имѣнія, поспѣшилъ основать слободу Селище [4]). Въ томъ же году кн. Янушъ Острожскій основалъ слободы на земляхъ Фридр. Тышкевича и заселилъ своими крестьянами, переведенными изъ Браславщины. Захватъ произведенъ былъ громадною военною силою въ нѣсколько тысячъ человѣкъ съ татарами и чемерисами; новыя слободы посажены около самой Махновки (им. Тышкевича), такъ что жители этого мѣстечка, притѣсняемые со всѣхъ сторонъ, предпочли перебраться сами въ новыя

---

[1]) Ukraina, str. 137.

[2]) Ibid. str. 141.

[3]) См. наприм. Źr. Dz. XXI, str. 19.

[4]) Рук. Кіев. Центр. Арх. Кн. 12, л. 6 на об.

слободы Острожскаго[1]). Вообще, основаніе новыхъ слободъ начиналось съ разоренія сосѣдей: въ 1609 г. княгиня Софья Ружинская, Вороничъ и др. сожгли въ селѣ Ляховѣ домъ Евст. Тышкевича, разграбили его имущество, а крестьянъ перевели къ себѣ[2]). Григорій Сокоръ населилъ Трояновское имѣніе; сосѣдъ его Вороничъ въ 1587 г. однимъ ударомъ разрушилъ его колонизаторскіе труды; остались только пустыя хаты[3]).

Взаимная борьба между колонизаторами приводила не только къ разрушенію колоній, но и избіенію населенія: двое сосѣдей по новымъ—Кіевскимъ владѣніямъ—князья Ружинскіе и князья Корецкіе вели между собою постоянную войну за границы новыхъ поселеній; въ 1609 г. князья Адамъ и Романъ Ружинскіе, княгиня Софья Ружинская и помощникъ ихъ князь Булыга-Курцевичъ напали съ 6 тысячнымъ войскомъ на замокъ въ м. Черемошнѣ (кн. Корецкихъ), взяли его приступомъ, сожгли его и избили множество жителей[4]). Въ 1590 году кн. Ян. Збаражскій послалъ ротмистра Ѳому Бѣлецкаго на имѣніе Вороничей—Трояновцы, причемъ жолнеры стрѣляли въ церковь и домъ Вороничей, убили двухъ крестьянъ, а 9 человѣкъ изувѣчили[5]). Разореніе сосѣднихъ городовъ и селъ, избіеніе въ нихъ жителей и ограбленіе ихъ входили прямо въ колонизаторскіе разсчеты болѣе сильныхъ пановъ; притѣсняемые крестьяне мелкихъ владѣльцевъ волей-неволей переходили къ обидчикамъ. Такимъ путемъ создавались главнѣйшіе центры колонизаціи на Украйнѣ, скорѣе похожіе на таборъ разбойниковъ, жители которыхъ занимались не мирнымъ трудомъ и промыслами, а наѣздами и грабежами по всѣмъ окрестностямъ. Такой разбойничій притонъ созданъ былъ кн. Ружинскими въ знаменитой Котельнѣ и Паволочи, причемъ атаманами были сами князья: сначала Кирикъ, по-

[1]) Кіев. Ц. Арх. Кн. 12, л. 168 на об.
[2]) Ibid. Кн. 11, л. 327 на обор.
[3]) Ib. Кн. 8. л. 245 на обор.
[4]) Кіев. Центр. Арх. Кн. 11, л. 39 на обор.
[5]) Ibid. Кн. 8. л. 9 на об.

томъ Адамъ, Романъ и Софія (а Михаилъ, слѣдуя тѣмъ же инстинктамъ, сдѣлался атаманомъ на Запорожьѣ); мы уже упомянули о наѣздахъ ихъ на владѣнія кн. Корецкихъ. Наѣзды совершались изъ Котельни, какъ центра, по всѣмъ радіусамъ; испытали это неоднократно Немиричи, мелкіе владѣльцы Котлубаи [1]), довольно сильный сосѣдъ Горностай (въ 1585 г. битва между котеленцами въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, и подданными Горностая окончилась довольно счастливо; убитъ лишь одинъ горностаевецъ, но изувѣчены и взяты въ плѣнъ многіе; въ томъ же 1585 г. Ружинскій захватилъ Тулинское имѣніе Горностая и началъ обременять крестьянъ „тяжкими повинностями" [2]). Въ 1588 г. Кирикъ Ружинскій, напалъ на имѣніе Стрыбыля—Ловковъ, вырубилъ лѣсъ, избилъ и поранилъ многихъ крестьянъ [3])). Въ 1583 г. тотъ же кн. Кирикъ открылъ войну съ сильными сосѣдями Тышкевичами: большая армія, вышедши изъ Котельни, вступила въ битву съ жителями м. Кодни, изъ которыхъ многіе легли на мѣстѣ, другіе ранены [4]). Въ 1611 г. слуги и крестьяне кн. Софіи Ружинской разрушили Нехворощу [5]). Ружинскіе, прославленные грабительствомъ и въ сосѣднихъ государствахъ, однако отнюдь не составляютъ исключенія; это только болѣе ясно обрисовавшійся типъ колонизатора Украйны. Такими же пріемами не брезгали и наиболѣе уважаемые люди, какъ кн. Констант. Констант. Острожскій, захватившій огромное пространство земли Трипольскихъ и заселившій (ихъ же крестьянами, забранными силою) до десятка колоній по Стугнѣ. И центръ владѣній кн. Збаражскихъ, Володарка не далеко ушла отъ Котельни. Къ такимъ же мѣрамъ колонизаціи прибѣгали и кн. Корецкіе, наслѣдники княг. Анны Корецкой, отличавшейся напротивъ куль-

---

[1]) Ркп. Кіев. Центр. Арх. Кн. 8, л. 11; кн. 8 л. 35; сл. л. 221 и 223.
[2]) Ркп. Кіев. Центр. Арх. Кн. 8, л. 74, 97 на об., 115 на об. и др.
[3]) Ibid. листъ 324.
[4]) Ibid. л. 81 на об. и слѣд.
[5]) Кіев. Центр. Арх. кн. 12, л. 386.

турно-христіанскими средствами колонизаціи, подобно Раинѣ Вишневецкой—въ Заднѣпровьѣ. Также воевали съ сосѣдями и Даниловичи въ Корсунѣ, Струси и Калиновскіе въ Браславщинѣ.

За крупными владѣльцами шли мелкіе; напр. въ 1638 г. Негребецкій основалъ новое поселеніе въ Негребкахъ; но сосѣдъ его Кузборскій, собравъ отрядъ изъ своихъ крестьянъ и челяди, напалъ на мѣстечко, избилъ и изувѣчилъ осадцу и крестьянъ [1]). Въ 1607 г. Христ. Віельгорская разорила до основанія новооснованную Кевличемъ слободу Переметовку [2]).

Нѣтъ никакой надобности увеличивать число подобныхъ фактовъ; въ Źrόla Dziej. XXI (какъ сказано) изъ одного указателя дѣлъ въ трибуналѣ почти исключительно такого рода по двумъ воеводствамъ образовался большой томъ. Но мы уже говорили, что для полноты картины частновладѣльческой колонизаціи этого перечня отнюдь недостаточно, что надо ждать изданія самыхъ актовъ, съ добавленіемъ громаднаго числа документовъ Кіев. Центр. Архива и друг. архивовъ. Впрочемъ въ сущности о характерѣ частно-владѣльческой колонизаціи не существуетъ двухъ мнѣній, и авторъ Ukrainy, съ обычною добросовѣстностію, отмѣчаетъ „анархическое" движеніе ея, признаетъ, что переселенцы (въ виду изложеннаго) не останавливались на первоначально занятыхъ мѣстахъ, а передвигались все дальше; онъ даже полагаетъ возможнымъ обозначить этапы такого передвиженія, начиная съ Волыни до крайнихъ предѣловъ Заднѣпровья.

Если землевладѣльцы не могли дать защиты поселенцамъ въ своихъ зàмкахъ отъ нападеній татаръ, если они не создавали прочныхъ экономическихъ условій для нихъ, а лишь временныя льготы, не приводившія къ цѣли, если они своею взаимною борьбою разрушали колоніи и истребляли населеніе, то въ чемъ именно за-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 9, л. 341 на об.

[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. 13, л. 440 на обор.

ключается заслуга ихъ для успѣховъ колонизаціи южно-русскихъ пустынь? Неужели только въ воздвиженіи столба и выдачѣ „патента“ о льготахъ безъ надежды ихъ осуществленія?

Отказываясь (по указанной уже причинѣ) отъ общаго вывода по этому вопросу, мы должны для правдивости и точности картины, отмѣтить и свѣтлые нюансы въ ея общемъ мрачномъ колоритѣ.

1. Быть можетъ въ какой-либо (очень минимальной) степени дѣйствовалъ на первоначальный подъемъ населенія заманчивый призывъ на Украйну и обѣщанія льготъ; но конечно, лишь на первыхъ порахъ, пока дѣйствительныя обстоятельства еще не выяснялись для соблазняемыхъ. Во всякомъ случаѣ поставимъ и это на вѣсы заслугъ частно-владѣльческой колонизаціи. Съ этого т. ск. началось движеніе.

2. Коренные русскіе владѣльцы сѣверной Украйны (сѣв. Кіевщины и Браславщины), владѣвшіе здѣсь землею извѣка, вели дѣло колонизаціи (хотя далеко не всѣ) болѣе правильными пріемами. Имъ, по крайней мѣрѣ, не предстояло надобности насильничать въ захватѣ земли. Вообще въ дѣйствіяхъ ихъ замѣтно стремленіе къ прочной культурѣ. Таковы въ Кіевщинѣ Горностаи, Аксаки, Проскуры, Тыши-Быковскіе, Бутовичи; въ Браславщинѣ: Слупицы, Красносельскіе, Чечели. Но огромная часть особенно среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ должна была уступить свои владѣнія магнатамъ-пришельцамъ.

3. Далѣе изъ пришлыхъ людей надо выдѣлить одну категорію (къ сожалѣнію немногихъ) владѣльцевъ, которой безусловно и безспорно принадлежитъ значительная заслуга въ дѣлѣ водворенія прочнаго заселенія на Украйнѣ. Это тѣ изъ свѣтскихъ владѣльцевъ, которые руководились при колонизаціи не только экономическими выгодами, но и высокими моральными задачами; таким и были преимущественно женщины. Когда въ 1608 г. кн. Корецкіе пріобрѣли древній Растовецъ, переименованный въ Бѣлиловку, какъ готовое (населенное), но незначительное поселеніе, то прочное гнѣздо здѣсь свила княгиня Анна Корецкая; послѣ татарскаго

опустошенія 1618 года она построила здѣсь замокъ, мужской и женскій православные монастыри, страннопріимницу, въ которой монахи должны были давать пропитаніе убогимъ и возвращающимся изъ татарской неволи. Эта дѣятельность совершенно напоминаетъ подобные же христіанскіе подвиги благочестія и домостроительства другой русской княгини Раины Вишневецкой въ Заднѣпровьѣ. И тамъ и тутъ добрые результаты колонизаціи наступили быстро: Бѣлиловка, имѣвшая въ 1631 г. уже 186 домовъ скоро окружилась 27 селами. Но эти проблески христіанской культуры были мимолетны: по роковому совпаденію, дѣти той и другой княгини (Кароль Корецкій и Іеремія Вишневецкій), пошли по другому пути и стали образцами своеволія и насильничества въ дѣлѣ колонизаціи.

4. Наибольшая прочность и правильность пріемовъ колонизаціи обнаруживается въ дѣйствіяхъ церковныхъ учрежденій, особенно такихъ, какъ Печерскій монастырь и отчасти Николо-Пустынскій; первый хотя и владѣлъ цѣлыми городами (Васильковъ заселенъ въ 1586 г.), но не привлекая массъ поселенцевъ обѣщаніями, заводилъ собственныя небольшія хозяйства на своихъ древнихъ пустовавшихъ владѣніяхъ; тамъ работали его монахи, слуги и крестьяне; къ сожалѣнію монастырь встрѣтилъ сильное препятствіе оттуда, откуда всего меньше можно было ожидать — отъ замѣстителей кн. К. К. Острожскаго: въ 1587 г. кн. Воронецкій напалъ на монастырскій дворъ въ с. Тыклинѣ, заграбилъ имущество и присвоилъ самый дворъ; затѣмъ напалъ на урочище Насадки, гдѣ работали печерскіе крестьяне, которые были избиты и изувѣчены, а имущество ихъ отнято; тогда же былъ разграбленъ дворъ въ ур. Хотовомъ, а въ урочищѣ Садкахъ пасѣка и мельница[1]).

Заслуженною славою прочной колонизаціи пользовался центръ владѣній Кіевскаго католич. бискупа — Фастовъ.

---

[1]) Кіевс. Центр. Арх. кн. 8, л. 238, 243, 251, 268, 304.

III.

Правительство соединенныхъ государствъ послѣ уніи (а для южной Россіи слѣдуетъ сказать: польское правительство), установивъ щедрую раздачу южно-русскихъ степей въ собственность частнымъ лицамъ, тѣмъ не менѣе сознавало, что мѣра эта крайняя, что въ сущности она вредитъ интересамъ государства, т. е. ведетъ къ дальнѣйшему ослабленію его силы. А потому короли, въ особенности Стефанъ Баторій, рѣшили удержать часть государственныхъ земель въ рукахъ короны, но вмѣстѣ съ тѣмъ оживить колонизацію и на такихъ земляхъ дѣйствіемъ частнаго интереса, именно раздать коронныя земли мѣстнымъ старостамъ въ пожизненное владѣніе, или на два „доживотья", съ обязанностію заселенія. Чтобы староста могъ выполнить такую нелегкую задачу, неподсильную для самого государства, требовалось назначать старостами самыхъ богатыхъ магнатовъ. Староста обязанъ на свой счетъ выстроить замокъ, снабдить его оружіемъ, военными припасами и достаточнымъ гарнизономъ; затѣмъ созвать поселенцевъ — людей „доброй славы", т. е. не гультяевъ, не разбойниковъ и воровъ, и не бѣглыхъ крестьянъ, и устроить ихъ на прочныхъ жилищахъ. Само собою разумѣется, что при этомъ владѣлецъ-староста былъ освобождаемъ отъ всѣхъ или почти всѣхъ государственныхъ сборовъ на все время своего владѣнія. Государственныя функціи власти, судъ и управленіе, также поступали въ неотъемлемое право старосты на тотъ же срокъ. По миновании срока, устроенный край долженъ быть переданъ въ непосредственное вѣдѣніе правительства.

Такая мѣра колонизаціи коронныхъ земель не изобрѣтена была Ст. Баторіемъ, но имъ первымъ примѣнена къ при-днѣпровской и при-бужской Украинѣ. Нѣчто подобное давно практиковалось въ Польской Подоліи.

По изображенной системѣ уступка права колонизаціи старостамъ примѣнена въ 1585 г. къ заселенію мѣстности древняго Переяслава, который сданъ былъ на „два доживотья" кн. Констан-

тину Острожскому: въ теченіи этого времени князья Острожскіе, по ихъ новому владѣнію, не подлежатъ никакимъ государственнымъ повинностямъ, кромѣ военной, и никакой зависимости отъ государственныхъ органовъ суда и управленія. По минованіи срока страна должна быть возвращена государству со всѣмъ имуществомъ замка, кромѣ движимости, которую получатъ наслѣдники послѣдняго владѣльца[1]). Подобная же концессія дана была еще въ 1578 г. Станиславу Лащу, державцѣ Литинскому, впрочемъ безъ обозначенія правъ колонизатора[2]).

Но въ сущности всѣ староства и державы воеводствъ Кіевскаго и Браславскаго, а также староства Каменецкое и Хмельницкое перешли на эту систему (безъ спеціальныхъ привилегій), какъ видно изъ сеймовой конституціи 1601 года о производствѣ новой люстраціи: въ п. 8-мъ этой конституціи содержится слѣдующее постановленіе: Украинскія староства и державы воеводствъ Кіевскаго и Браславскаго, а также Каменецъ и Хмельникъ освобождаются отъ люстраціи и отъ взноса кварты до конца жизни наличныхъ старостъ (ad vitam modernorum posessorum). Такому же освобожденію подлежитъ и воеводство Кіевское, которое, какъ извѣстно, соединялось со старостинскими правами въ г. Кіевѣ и тѣхъ немногихъ коронныхъ владѣніяхъ, которыя тянули къ Кіевскому замку. Основаніемъ для такой льготы могли быть только обязанность украинныхъ старостъ защищать и заселять пустынныя части своихъ староствъ. Впослѣдствіи пожизненный характеръ владѣнія староствами и вообще частно-правное (ленное) значеніе ихъ утвердились на всей территоріи Польши за небольшими исключеніями.

Что касается до Украйны, то кромѣ упомянутыхъ выше случаевъ, пожизненныя права старосты и осадцы пріобрѣтены были колонизаціонными заслугами (мнимыми, или дѣйствительными, прошедшими и будущими) кн. Янушемъ Острожскимъ на Богуславъ

---

[1]) См. № XVI.

[2]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. 1, № XXIII.

„на шляху татарскомъ“ [1]); Даниловичами на Корсунь, Стеблевъ, Чигиринъ, Даниловъ, Крыловъ, Лысянку и Звенигородъ; Тышкѣвичемъ — на Нехворощу; кн. Заславскими на Житомиръ: кн. Ружинскими — на Романовку; Аксаками на Гуляники (Мотовиловку); Голубами — на Богачку и Бѣлоцерковку.

Каковы были результаты этой мѣры?

Наблюдая громадные и быстрые успѣхи колонизаціи на коронныхъ земляхъ Украины въ концѣ XVI в., легко придти къ мысли, что государство обязано этимъ именно старостамъ. На этотъ счетъ содержится нѣсколько указаній въ издаваемыхъ нынѣ документахъ, и документахъ, прежде изданныхъ нашею коммиссіею. Старосты, несомнѣнно должны были принимать активное участіе въ дѣлѣ колонизаціи. Старостами — колонизаторами приднѣпровской Украины явились, главнымъ образомъ, кн. Острожскіе, кн. Вишневецкіе и отчасти Даниловичи. Нѣкоторые изъ нихъ сами создавали свои староства среди пустынь. Такъ Богуславское староство возникло послѣ того, какъ кн. Янушъ Острожскій „мѣсто Богуславъ... новоосаждати и закладати... почалъ“ [2]). Это начато имъ ок. 1589 г., къ которому относится его грамота въ пользу г. Богуслава (цитируемая королевскою грамотою 1620 г. [3]).

Еще большею славою колонизатора пользовался знаменитый кн. Константинъ Острожскій; король, поручая ему заселить Переяславъ, свидѣтельствуетъ, что онъ кн.—Острожскій на Украинѣ, въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, на мѣстахъ пустыхъ, построилъ съ большими издержками и расходами немалое количество замковъ и именно: Константиновъ, Базилею, Острополь, Любартовъ и другіе, „снабдивъ ихъ оружіемъ, и населилъ города и села“ [4]). Если вѣрить буквѣ королевской грамоты, то въ 1585 г. кн. Острож-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. 1. стр. 562.

[2]) См. этого тома № XX.

[3]) См. № VII

[4]) См. № XVI.

скому было передано для заселенія „городище, мѣсто *пустое*, называемое Переяславъ“, а при Бопланѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в. Переяславъ былъ уже лучшимъ городомъ на Украйнѣ и имѣлъ тогда будто-бы до 6 тыс. жителей (по люстраціи 1616 г. въ немъ было 300 домовъ „послушныхъ“). Въ округѣ Переяслава возникли въ XVI в. Березань и Яготинъ, м. Гельмазовъ въ 1613 г., м. Быковъ, Яблоновъ въ 1615 г. и Миргородъ, какъ особая посессія. Извѣстную часть заслугъ въ дѣлѣ возникновенія этихъ поселеній надо отнести на счетъ кн. Острожскихъ.

Колонизаторская дѣятельность князей Константина и Януша Острожскихъ развивалась и на другомъ театрѣ тогдашнихъ движеній, именно въ правобережной Кіевщинѣ: въ самомъ Кіевѣ кн. Острожскій основалъ слободу около Софійскаго монастыря. При немъ и кн. Янушѣ заселялась и Бѣлая-Церковь и ея окрестности; самый городъ въ 1616 г. имѣлъ 300 домовъ послушныхъ и 300-же непослушныхъ мѣщанъ (козаковъ); въ округѣ его м. Трилѣсы основано въ 1600 г., и м. Таборъ въ 1616 г.; въ концѣ правленія Острожскихъ, именно въ 1622 г. въ округѣ Бѣлоцерковскомъ было до 35 селъ.

Не меньшею извѣстностью въ качествѣ колонизаторовъ пользовались кн. Вишневецкіе, особенно Александръ и Михаилъ, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Имъ приписывается основаніе и заселеніе цѣлаго громаднаго Корсунскаго староства: по просьбѣ кн. Михаила и Александра Вишневецкихъ въ 1584 г. кор. Стефанъ Баторій далъ грамоту на основаніе г. Корсуня. Въ 1589 г. Александръ Вишневецкій выхлопоталъ у Сигизмунда III грамоту (1 мая) на основаніе Чигирина на старомъ городищѣ, гдѣ въ то время была только пустыня[1]); въ 1592 г. князь дѣйствительно приступилъ къ постройкѣ замка. Такія колонизаторскія заслуги нашли себѣ тогда же признаніе и высокую оцѣнку у современниковъ: въ 1595 г. Волынское воеводство приказало своимъ

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. 1 № XXIV.

посламъ на сеймъ „обратить вниманіе короля на заслуги кн. Вишневецкихъ, которые начали заселять Украину и построили замки, каковы: Корсунь, Чигиринъ, Иліева Гора“.

Нынѣ мы издаемъ нѣсколько актовъ, свидѣтельствующихъ о колонизаціонной предпріимчивости кн. Александра Вишневецкаго на его собственныхъ земляхъ — въ Заднѣпровьѣ, именно акты объ основаніи имъ Лубенъ и Пирятина[1]). Но изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что во время управленія Каневскимъ и Черкасскимъ староствами тѣхъ же князей Александра и Михаила Вишневецкихъ (а потомъ Януша Острожскаго), быстро идетъ впередъ заселеніе пустынныхъ заднѣпровскихъ частей упомянутыхъ староствъ: здѣсь м. Боровица основана въ 1613 г., Ирклей 1601 г., Манзалея 1614, Голтва 1615, Кропивна 1616 г., с. Богушовка 1619 г., Константантиновъ и Строковъ въ 1622 г.

Между тѣмъ дѣло развитія колонизаціи въ Корсунскомъ староствѣ продолжалъ послѣ Вишневецкихъ Янъ Даниловичъ. Въ 1615 г. онъ представилъ королю, что между Днѣпромъ и Тясминомъ въ повѣтѣ Чигиринскомъ есть урочище, называемое Крыловъ, гдѣ слѣдовало бы основать городъ[2]). Съ изволенія короля городъ былъ основанъ; на другой-же годъ (1616 г.) городъ имѣлъ уже 200 домовъ. Около 1611 г. возникла слобода Медвѣдовка или Даниловъ.

Въ Браславщинѣ въ роли колонизаторовъ могутъ быть признаны въ это время старосты: Юрій Струсь, затѣмъ Александръ и Мартинъ Калиновскіе. Успѣхи колонизаціи *при нихъ* выразились въ слѣд.: въ 1616 г. (черезъ 46 лѣтъ послѣ уніи) г. Браславъ имѣлъ 553 дома обывателей всякаго званія (еврейскихъ, шляхетскихъ и мѣщанскихъ), а въ 1623 г. 596 домовъ (въ панской части города, во владѣніи Потоцкаго, въ то же время было 813 дом.). Въ округѣ города между 1600 г. и 1613 г. возникло 11 поселеній,

---

[1]) См. №№ XIX и XX.

[2]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. 1. № XXXII.

при чемъ м. Мачоха отмѣчается именно, какъ поселеніе, заведенное старостою въ 1606 г. Прочія поселенія основаны: м. Гайсинъ въ 1601 г., с. Колотницы 1601 г., Ястребинцы въ 1600 г. и вновь въ 1609 г., Щуровцы 1611 г., Городница 1613 г., Снитынка 1613 г.; городъ Винница въ 1613 г. возстановленъ de nova radice старостою Вас. Алекс. Калиновскимъ; въ 1604 г. оба города старый и новый имѣли 762 дома, а въ 1616 г. 550 дом., въ 1629 г. 787 домовъ. Но въ округѣ Винницы въ 1616 г. оставалось только одно коронное село — Вишенка; всѣ прочія села перешли въ частное владѣніе Калиновскихъ [1]). Среди Браславщины возникла новая держава Лѣтинская; м. Лѣтино, по оффиціальнымъ показаніямъ, основано около 1610 г., хотя привилегіи на основаніи здѣсь мѣстечка были получены Станиславомъ Лащемъ еще въ 1578 г. [2]). Но изъ издаваемаго нами реестра 1579 г. видно, что уже тогда, (въ 1579 г.) Лѣтино не только существовало, но имѣло 90 домовъ населенныхъ и 30 пустыхъ [3]). Въ округѣ м—чка въ 1616 г. находилось 7 сельскихъ поселеній, впрочемъ не новыхъ, а извѣстныхъ въ пол. XVI в.

Таковы видимые успѣхи колонизаціи на коронныхъ земляхъ, совершившіеся, *повидимому*, при участіи старостъ. Но есть факты, заставляющіе ограничить дѣйствительное значеніе старостъ въ этомъ дѣлѣ. Факты эти настолько многочислены и общеизвѣстны, что намъ достаночно ограничиться лишь ссылкою на нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1639 г. король Владиславъ IV назначилъ коммисію для разслѣдованія дѣла объ упадкѣ г. Браслава, который (по словамъ короля) „будучи весьма важенъ для насъ и для Рѣчи Посполитой, какъ ради защиты отъ частыхъ нападеній татаръ, такъ и ради

---

[1]) Обращаемъ вниманіе на этотъ примѣръ тѣхъ, которымъ очевидно неизвѣстно, что такое староство въ концѣ XVI и въ XVII в. и которые, смѣшивая повѣтъ со староствомъ, свое собственное невѣдѣніе наивно обращаютъ въ упрекъ изданіямъ коммисіи.

[2]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. 1. № XXIII.

[3]) См. № II.

полученія государственныхъ доходовъ, опустошенъ до конца притѣсненіями старостъ и ихъ арендаторовъ, такъ что прежде тамъ было 2000 домовъ (osad), а теперь едва-ли найдется болѣе 200; но и эти послѣдніе рѣшились разойтись до послѣдняго по причинѣ такихъ притѣсненій" [1]).

Образцемъ пріемовъ старостинской колонизаціи можетъ служить дѣло 1586 г.[2]) объ основаніи новой слободы въ самомъ городѣ Кіевѣ, около церкви св. Софіи: воевода Кіевскій кн. К. К. Острожскій приказалъ оповѣстить новымъ поселенцамъ, отъ имени короля, волю на 24 года и для этого поставить столбъ на верхнемъ городѣ, около церкви св. Софіи „Мы — убогіе люди (жаловались потомъ колонисты) услышали о такомъ оповѣщеніи и водруженіи столба, съѣхались изъ разныхъ далекихъ мѣстъ къ этой волѣ, попродавши свою бѣдную рухлядь и земли, приняли участки, построились и начали жить такъ, какъ живутъ въ другихъ королевскихъ воляхъ и городахъ, т. е. начали шинковать пиво, медъ и горѣлку". Воевода и его намѣстникъ — кн. Воронецкій усмотрѣли въ томъ ущербъ арендѣ, получаемой за шинки съ нижняго города (Подола) и начали угрожать, что „волю ту обратятъ въ ничто", не желая терять 2000 зл., получаемыхъ ими въ видѣ аренды за шинки. По выѣздѣ изъ Кіева воеводы, жена намѣстника его — кн. Воронецкаго наслала на слободу своихъ слугъ, которые отобрали у колонистовъ ихъ движимыя вещи, а самихъ поселенцевъ забрали въ тюрьму на Подолъ и затѣмъ выпустили на поруки. Такъ какъ имъ не къ кому было обратиться съ заявленіемъ объ обидѣ, нанесенной имъ, то они заявили ее „слугѣ его корол. мил. Оришевскому гетману Запорожскому", который обѣщался устно передать о томъ королю (жалоба слобожанъ занесена въ житомирскія книги).

Послѣдній изъ приведенныхъ фактовъ обнимаетъ почти весь вопросъ о свойствахъ старостинской колонизаціи: онъ свидѣтель-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, I, № XXVII.
[2]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, I, № XXXV.

ствуетъ, что староста дѣйствительно собиралъ колонистовъ, руководствуясь при этомъ исключительно собственною выгодою; но при неосуществленіи этого интереса, старостинскій урядъ самъ разрушаетъ дѣло рукъ своихъ (разгоняетъ слободу) [1]); такія распоряженія исходятъ отъ жены замѣстителя старосты (подвоеводы); притѣсняемые не могутъ найти защиты въ обыкновенныхъ правительственныхъ органахъ, ибо староста (въ данномъ случаѣ мѣстный воевода) и есть высшій провинціальный правитель и въ силу того колонисты должны прибѣгнуть къ казацкой власти (въ данномъ случаѣ — легальной утвержденной правительствомъ).

Воевода, населившій слободу, самъ же ее разоряетъ (руками женщины)! Эта кажущаяся странность объясняется, однако, вполнѣ, если мы припомнимъ основныя черты тогдашней провинціальной власти. Это намъ и покажетъ — могли ли старосты того времени быть полезными колонизаторами, т. е. дѣйствующими въ интересахъ государства.

Объ организаціи старостинской власти и ея задачахъ мы здѣсь не будемъ распространяться, такъ какъ предметъ этотъ выходитъ за предѣлы настоящихъ замѣтокъ [2]). Для нашей цѣли достаточно лишь напомнить о главныхъ чертахъ старостинскаго

---

[1]) Подобныя же отношенія старостъ къ колонистамъ можно прослѣдить по всѣмъ городамъ Украины (см. № VII, стр. 60; сл. № V жалобы Овручскихъ мѣщанъ на старость). Въ 1611 г. происходила „битва князей Острожскихъ съ казаками“ подъ Трипольемъ, какъ выражаются акты того времени (Кіев. Цент. Арх. кн. 12, л. 298). Никакой общей казацкой войны или возстанія въ тѣ времена не было; очевидно, это была мѣстная битва старостъ со своими казаками, т. е. непослушными поселенцами. Не умножая примѣровъ общеизвѣстнаго явленія, ограничимся замѣчаніемъ, что борьба населенія съ старостами обостряется въ высшей степени въ концѣ XVI в. и нач. XVII в. (Сл. Кіев. Цент. Арх. кн. 13, л. 1342 и сл.; кн. 10, л. 22 и друг.).

[2]) Мѣстному управленію Комиссія посвящаетъ особую часть своего Архива (ч. VIII, т. 1 и 2—Барское староство); въ настоящее время редактируется новый томъ этой части, посвященный именно украинскимъ староствамъ.

управленія данной эпохи. Староства все болѣе получаютъ частный характеръ, между прочимъ именно подъ вліяніемъ колонизаціонной политики (хотя на то были и другія причины, напр., залогъ староствъ, какъ форма государственнаго займа; такъ Винницкое староство было заложено Сигизмундомъ-Августомъ князю Б. Корецкому; залогъ потомъ перешелъ къ Струсямъ, а отъ нихъ къ Калиновскимъ, пока, наконецъ, не былъ переведенъ съ города на села Винницкаго староства). Колонизаціонныя цѣли заставили (какъ мы говорили) установить пожизненное или наслѣдственное (въ ближайшихъ поколѣніяхъ) право старостъ; наслѣдство могло идти и къ лицамъ женскаго пола; такъ Корсунское староство перешло отъ Яна Даниловича къ женѣ его Софіи, а затѣмъ къ сыну Станиславу. Так. обр., обладателями старостинскихъ правъ могли быть не только женщины, но и несовершеннолѣтніе. Украинскими старостами были б. ч. богатые Волынскіе магнаты—князья, или такіе же паны польскаго происхожденія; они обыкновенно жили или при королѣ въ столицахъ, или въ своихъ родовыхъ зáмкахъ, лишь изрѣдка наѣзжая въ украинскіе города на короткій срокъ. Они соединяли въ своихъ рукахъ одновременно нѣсколько староствъ (въ 1611 г. кн. Янушъ Острожскій былъ одновременно старостою Владимірскимъ, Черкасскимъ, Каневскимъ и Бѣлоцерковскимъ). При такихъ условіяхъ общее право замѣстительства (т. е. назначеніе старостою кого-либо своимъ подстаростою), практиковавшееся уже давно во всѣхъ частяхъ государства, должно было получить особое развитіе на Украйнѣ въ данную эпоху. Подстаростами на Украйнѣ бывали иногда люди также изъ большихъ пановъ (кн. Булыга-Курцевичъ въ Бѣлой церкви, кн. Воронецкій—въ Кіевѣ); но чаще всего въ эту роль попадали польскіе шляхтичи, которыми уже тогда Волынскіе князья окружили себя дома—на Волыни. Но въ томъ и другомъ случаѣ подстароста, поставленный на время волею патрона, ничѣмъ не связанъ съ мѣстнымъ населеніемъ; имъ можетъ руководить только интересъ скорѣйшей наживы; поэтому острыя отношенія населенія къ старостамъ становились со-

всѣмъ нестерпивыми въ отношеніи къ подстаростамъ [1])—Частный характеръ староствъ даетъ право на отдачу ихъ въ аренду, на что иногда испрашивалось согласіе короля, иногда нѣтъ [2]). Арендаторами могли быть лица шляхетскаго происхожденія, но чаще—евреи. Арендаторовъ староства—евреевъ находимъ въ Житомирѣ, Нехворощѣ, Богуславѣ [3]), Каневѣ и м. б. въ Переяславѣ. Иногда на такую аренду (евреямъ) испрашивалось и получалось согласіе короля, какъ это было, напр., въ Житомирѣ; въ другихъ случаяхъ, по просьбѣ населенія, король воспрещалъ ее, однако всегда post factum, что́ находимъ, напр., въ грамотахъ городамъ Богуславу и Переяславу; въ грамотѣ Богуславу 1622 г. выражено даже общее запрещеніе: „чтобы никакой жидъ не бралъ ни Богуславъ, ни *другіе королевскіе города* въ аренду"; но одновременный примѣръ Житомира показываетъ на противоположную практику королевской канцеляріи. Какія права передавались контрагентамъ (въ томъ числѣ евреямъ): только ли сборъ доходовъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ право управленія и суда (надъ нешляхетскимъ населеніемъ)? Законодательство не даетъ отвѣта; показанія же фактовъ, повидимому, двоятся: съ одной стороны, иногда арендаторы староствъ именуются арендаторами корчемными; иногда рядомъ съ арендаторомъ-евреемъ есть и подстароста. Съ друг. стор., выраженіе люстраціи Каневскаго староства объ отдачѣ этого и Богуславскаго староствъ еврею „съ винами", т е. уголовными штрафами, указываетъ несомнѣнно на судебную дѣятельность арендаторовъ-евреевъ;

---

[1]) См. о подвигахъ кн. Воронецкаго въ Кіевѣ Кіев. Центр. Арх. кн 8, л. 26[illegible], на об. 238, 243, 251, 266, 304 и др.; дѣйствія его направлены, главн. обр., къ разрушенію (какъ упомянуто) колоній Печерскаго монастыря. О дѣяніяхъ Мышки-Холоневскаго такъ же см. Кіев. Центр. Арх. кн. 13, л. 1083, 1341 и др.; эти дѣянія состоятъ въ разрушеніи колоній частныхъ лицъ (Вигуровщины, основанной Вигурою и др.).

[2]) О любопытной тяжбѣ между Руцкимъ, который отдалъ въ аренду Овруцкое староство Немиричу и между Гурскимъ, которому пожаловалъ его король, см. Кіев. Центр. Арх. кн. 13, л. 486 на об., 572.

[3]) См. № VII.

уголовные штрафы получались судьею. Надо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что нерѣдко при арендаторѣ нѣтъ подстаросты; арендованіе евреями корчемъ, мельницъ, мыта и пр. никогда не воспрещалось и не могло бы вызывать такого королевскаго вмѣшательства, какъ въ грамотѣ 1622 г.—Что касается вышеприведенныхъ указаній, противорѣчащихъ этому выводу, то они изъясняются легко: не вездѣ и не всегда евреямъ отдаваемы были въ аренду всѣ старостинскія права; конечно гораздо чаще евреи арендовали только корчемные и другіе сборы.

Замѣстительство, аренда и управленіе женщинъ и несовершеннолѣтнихъ едва ли даютъ право утверждать, что успѣхами колонизаціи Украйна обязана государственнымъ соображеніямъ, личной энергіи и жертвамъ старостъ—могучихъ магнатовъ русскихъ и польскихъ.

Тотъ же результатъ получается и изъ разсмотрѣнія задачъ старостинскаго управленія по отношенію къ колонизаціи и средствъ для ихъ выполненія. Государственныя задачи колонизаціи весьма сложны и серьезны. Люди, взявшіеся за исполненіе ихъ, б. ч. должны были на свой собственный счетъ воздвигать (какъ сказано) цѣлыя крѣпости (замки), вооружать ихъ, содержать военные отряды (гарнизоны), собирать на свой страхъ бродячее населеніе и организовать его въ стройное гражданское общество съ военнымъ, однако, характеромъ, чего требовали условія украинскаго пограничья, а затѣмъ уже доставлять государству какой-либо доходъ, или иную финансовую выгоду.—Мы отнюдь не намѣрены разбирать въ этихъ краткихъ замѣткахъ, подробно, какъ справлялись съ этими задачами украинскіе старосты на пространствѣ 80 лѣтъ; ограничимся замѣчаніемъ, какъ сами тогдашніе старосты понимали задачи своего управленія и для чего они добивались попасть въ старосты.

Мы упомянули выше, что князь-воевода Кіевскій не могъ справиться съ тяжелою задачею поддержки укрѣпленій въ Кіевѣ и Бѣлой Церкви и даже совсѣмъ не призналъ этой задачи своею,

но тотъ же самый князь выпросилъ себѣ привилегію на заселеніе Переяслава, съ условіемъ выстроить зáмокъ на свой счетъ. Мы знаемъ, что онъ плохо выполнилъ здѣсь свое обязательство [1]); знаемъ, что козаки брали и разрушали украинскіе зáмки безъ большого труда. Во всякомъ случаѣ, то, чего онъ не могъ и не хотѣлъ сдѣлать въ Кіевѣ и даже въ Бѣлой Церкви, онъ добровольно взялся выполнить въ Переяславѣ. Очевидно и здѣсь отнюдь нельзя предположить громадную жертву богатаго вельможи въ пользу государства; да и ожидать этого нельзя, ибо трудно большія общественныя предпріятія созидать на пожертвованіяхъ. Очевидно, здѣсь должна быть простая экономическая сдѣлка, предполагающая выгоду для предпринимателя; любопытно только знать, въ чемъ заключалась эта выгода. Староста получалъ пожизненно или на два „доживотья" право обращать въ свою пользу всѣ государственные доходы съ арендуемаго староства. Но какіе же это доходы? Доходы ли съ земли, культивированной поселенцами, которыхъ онъ призоветъ и устроитъ? Таковъ бы и долженъ быть нормальный результатъ правильной колонизаціонной политики.— На дѣлѣ было нѣсколько иначе. Когда незаселенное староство выпрошено у короны, то надо было прежде всего привлечь новыхъ поселенцевъ. Но чѣмъ же ихъ привлечь? Единственно—льготою, освобожденіемъ отъ всѣхъ платежей и повинностей на долгій срокъ, иногда до 40 лѣтъ; а это могло превысить время пожизненнаго права старосты, а мож. быть и права двухъ поколѣній. Очевидно, староста-антрепренеръ колонизаціи не могъ надѣяться вернуть свои издержки и получить прибыль путемъ взиманія нормальныхъ доходовъ съ заселенной и обработанной земли. Въ большинствѣ украинскихъ староствъ люстраціи даже 20-хъ годовъ XVII в. отмѣчаютъ, что дохода нѣтъ никакого, такъ какъ люди еще „не высидѣли воли". Стало быть у предпринимателя должны были

---

[1]) Гейденштейнъ говоритъ. что „кн. Острожскій зáмка не выстроилъ". См. Źr. Dziej. XXII, str. 85.

имѣться въ виду другія цѣли, иныя выгоды. Возможно предположить, что имѣлась въ виду собственная—экономическая культура земли на обширныхъ пустыхъ пространствахъ староства, на благодатной украинской почвѣ; но достойно замѣчанія, что старосты на Украйнѣ въ концѣ XVI и нач. XVII вв. почти нигдѣ не вели собственнаго хозяйства: въ 1616 г. въ староствѣ Браславскомъ и Винницкомъ нѣтъ ни одного фольварка. „Точно также не имѣли фольварковъ староство Каневское, Переяславское, Черкасское, Богуславское, Бѣлоцерковское и Корсунское“ [1]; только въ Житомирскомъ есть фольварки. Иногда говорятъ (какъ мы упоминали уже), что дикія украинскія пустыни завоеваны для цивилизаціи „польскимъ плугомъ“. Если бы всѣ старосты (и всѣ частные владѣльцы) были тогда поляками (чего въ дѣйствительности совсѣмъ не было), то и тогда рѣчь о польскомъ плугѣ была бы праздною: онъ не работалъ еще; да и впослѣдствіи работалъ всегда плугъ южно-русскихъ крестьянъ.

Въ чемъ же заключалась выгода для старосты въ пріобрѣтеніи староства? Выгода большая заключалась въ полученіи косвенныхъ доходовъ и главн. обр. съ корчмы: княгиня Воронецкая разогнала кіевскихъ колонистовъ, когда эти послѣдніе начали приготовлять напитки сами для себя. Кромѣ аренды корчемъ, въ доходъ старосты поступала аренда мельницъ, перевозовъ, торговаго и проч., что̀ вмѣстѣ давало, напр., въ Кіевѣ круглую сумму въ 3100 зл., т. е. почти столько же, сколько и корчма. Но это въ Кіевѣ; въ прочихъ городахъ подавляющее значеніе имѣетъ корчма. Въ люстраціи Остерскаго староства 1636 года находимъ слѣд. характерное мѣсто: „въ этомъ староствѣ, сравнительно съ послѣдней люстраціей, прибавились новыя слободы, которыя хотя не отправляютъ никакихъ повинностей и податей до сихъ поръ, но остерская аренда меду, пива, горѣлки, млиновъ и мытъ значительно возвысилась въ цѣнѣ, а слѣдов. произошло не малое возвышеніе

[1]) Źródła Dziejowe V. L V.

доходовъ; а потому люстраторы соотвѣтственно возвышаютъ и кварту". При отсутствіи всякихъ прямыхъ налоговъ, украинскія староства въ 1622 г. давали слѣд. доходы: Кіевское 4100 зл., Каневское 4000, Переяславское 2000 (только съ корчмы и млиновъ), Корсунское 4998 (изъ того числа съ корчмы и млиновъ 2500), Черкасское 2100, Богуславское 4000, Бѣлоцерковское 3300, Житомирское 2698. Изъ этого видно, что самыми доходными староствами были южныя (кромѣ Кіевскаго), а именно: Корсунское, Богуславское и Каневское. Въ нихъ оффиціально признаннаго („послушнаго") населенія было ничтожное количество; большой же (сравнительно) доходъ съ корчемъ и прочихъ арендныхъ статей давало населеніе своевольное, не призванное и не признанное властію старостъ. Очевидно, староста мало былъ заинтересованъ введеніемъ правильной культуры страны посредствомъ прочно-осѣдлаго населенія [1]).

Съ этимъ тѣсно связываются оригинальные пріемы колонизаціи и особый подборъ элементовъ населенія. Съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, почему всѣ усилія колонизаторовъ направлены къ развитію мнимыхъ городовъ и мѣстечекъ, и очень мало удѣлялось вниманія сельскимъ поселеніямъ. Само собою разумѣется, что здравыя начала заселенія страны хлѣбородной и степной въ государствѣ, искони земледѣльческомъ, указывали какъ разъ обратный путь. Были староства, въ которыхъ существовало нѣсколько городовъ и мѣстечекъ, — и ни одного села (Корсунское староство; въ дѣйствительности и здѣсь было не мало селъ и хуторовъ, но они заведены не старостами, а козаками, и не имѣли никакого отношенія къ старостинской власти и управленію). Первою заботою старосты было выхлопотать прежнему или новому поселенію права мѣстечка; отнюдь нельзя думать, что въ этомъ выразилась заботливость о дарованіи народу благъ магдебургскаго самоуправленія; причина заботъ старосты была проще: въ мѣстечкѣ заводятся торги, ярмарки, рынокъ и шинки. Далѣе кажется стран-

---

[1]) См. Ukraina, str. 125.

нымъ, что старосты давали колонистамъ продолжительные сроки льготъ, такъ что ревизорамъ приходилось иногда очень сокращать ихъ собственною властію. Казалось бы, что временный владѣлецъ болѣе заинтересованъ въ назначеніи наименьшихъ сроковъ, чѣмъ государство, которому заселенная страна достанется послѣ него. Однако это такъ, и объясняется опять тѣмъ же главнымъ характеромъ концессіоннаго староства: старостѣ надо привлечь тотчасъ же побольше всякаго народу, который дастъ доходъ не земельною рентою, а корчемнымъ доходомъ.

Тою же чертою колонизаціи объясняется малая заботливость старостъ о надлежащемъ подборѣ элементовъ населенія. Центральное правительство, какъ въ привилегіяхъ старостамъ, такъ и въ общихъ сеймовыхъ конституціяхъ постоянно настаивало, чтобы страна была заселяема надежными и прочными элементами, чтобы между поселенцами не было людей „худой славы", бѣглыхъ преступниковъ и бѣглыхъ крестьянъ, чтобы новые поселенцы занимались мирными промыслами, а не разгуломъ и легкою добычею въ татарскихъ улусахъ. Однако старостѣ было мало дѣла до отдаленнаго будущаго, ему вовсе было невыгодно относиться со щепетильною разборчивостію къ качествамъ поселенцевъ. Не только бѣглые крестьяне (помимо которыхъ не откуда было и взять новыхъ поселенцевъ), но и всякіе отбросы гражданскаго общества Волыни и Литвы находили себѣ надежный пріютъ въ украинскихъ староствахъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что тѣмъ не менѣе главный элементъ населенія, который волею-неволею весь сдѣлался козацкимъ и подборъ котораго совершался помимо усилій и дѣятельности старостъ, вовсе не былъ разбойничимъ и бродяжнымъ.

Повторяемъ, что въ этомъ нѣтъ заслуги старостъ; элементы же, дѣйствительно обязанные своимъ внѣдреніемъ на Украйнѣ старостамъ, были: польскій и еврейскій. Они были необходимы для экономическихъ, финансовыхъ, юридическихъ и военныхъ услугъ въ староствахъ. Евреи берутъ въ аренду доходы староства и цѣлыя староства. Поляки (изъ мелкихъ шляхтичей)—дѣятельные offи-

ціалисты, опытные дѣльцы-адвокаты, единственно пригодный матеріалъ для укомплектованія гарнизоновъ въ замкахъ. Результаты извѣстны.

Вотъ обстоятельства, которыя заставляютъ нѣсколько ограничить положеніе, что Украйна обязана заселеніемъ старостамъ; еще разъ остается открытымъ вопросъ: кому же принадлежитъ главная роль въ дѣлѣ южно-русской колонизаціи.

IV.

Если ни широкое развитіе частнаго землевладѣнія, ни старостинское концессіонное управленіе не могутъ быть признаны главною причиною быстраго возвышенія колонизаціи на Украинѣ, то естественно спросить, кому же наиболѣе принадлежитъ честь успѣховъ заселенія украинскихъ пустынь съ конца XVI в. Единственно возможный отвѣтъ на это слѣд.: самому населенію. Оно бѣжало въ украинскія степи, ища свободы, а не временныхъ хотя бы и долгосрочныхъ льготъ. Оно бѣжало вопреки желаніямъ высшей законодательной и правительственной власти, которая всемѣрно стремилась ограничить побѣги крестьянъ изъ внутреннихъ областей государства и наполнила сборникъ законовъ массою узаконеній о бѣглыхъ крестьянахъ [1]. Бѣглое населеніе создавало великія затрудненія для правительства и въ самыхъ степяхъ, составляя здѣсь вольныя общества, именуемыя козачествомъ и лишь въ несравненно меньшей части примыкая къ правительственнымъ центрамъ—староствамъ. Разумѣется, правительство болѣе сильное могло бы овладѣть этимъ движеніемъ въ свою пользу и придать бѣглецамъ организацію сообразную съ интересами государства.

Оставляя въ сторонѣ всѣ другіе вопросы, относящіеся къ главному колонизующему элементу (его этнографическій и сослов-

---

[1]) См. Vol. leg. II, 975 (конститут. 1578), 1448 (конст. 1596) и др.

ный составъ, его экономическій бытъ и занятія на Украйнѣ и его отношенія къ государству) сосредоточимъ свое вниманіе только на уясненіи поставленнаго сейчасъ вопроса: кому приписывается въ самыхъ правительственныхъ актахъ главная колонизаторская роль: органамъ ли правительства, владѣльцамъ ли, или самому населенію?

Въ люстраціяхъ первой полов. XVII в. во всѣхъ украинныхъ староствахъ отмѣчается число населенія, подчиняющагося старостѣ („послушнаго") и указывается б. ч. приблизительное число прочаго — „непослушнаго" населенія которое и счислить было, однако, не легко, да это и не входило въ прямыя задачи люстрацій. Во всѣхъ почти (за немногими исключеніями), показаніяхъ такого рода число „непослушныхъ" значительно превышаетъ число послушныхъ. При этомъ число непослушныхъ постепенно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ южнымъ свободнымъ степямъ. Такъ въ Бѣлой Церкви въ 1616 г. отмѣчается послушныхъ 300 домовъ мѣщанскихъ, а непослушныхъ „болѣе 300"; сверхъ того въ люстраціи отмѣчено, что старостинскій урядъ въ особенности жаловался на козаковъ, которые захватили имущества староства и упорно удерживаютъ ихъ. Въ м. Трилѣсахъ тогда же исчислено 130 послушныхъ домовъ и 30 козацкихъ (очевидно непослушныхъ). Ко времени люстраціи 1622 г. въ округѣ Б. Церкви появилось до 35 сельскихъ поселеній (хуторовъ), но люстраторами отмѣчено, что „въ хуторахъ живутъ козаки", а въ селахъ „мѣщане Бѣл. Церкви имѣютъ свои хутора, съ которыхъ не отправляютъ никакихъ повинностей". Предположимъ, что послушное городское населеніе призвано старостами (хотя и это подлежитъ сомнѣнію), все прочее бо́льшее число городскаго населенія и все населеніе хуторовъ, очевидно, явилось вопреки волѣ старостъ.

Чѣмъ дальше къ югу въ глубь степей, тѣмъ процентъ „непослушныхъ" становится все больше.

Относительно Богуслава люстрація 1622 даетъ невполнѣ опредѣленное указаніе, что мѣщанъ тогда было болѣе 100; „всѣ остальные—козаки и не исполняютъ никакихъ повинностей", тонъ

рѣчи показываетъ, однако, что этихъ непослушныхъ было гораздо болѣе; что же касается до селъ или хуторовъ (13-ти), то не было въ нихъ „подданныхъ послушныхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, а все козаки".

Въ гор. Корсунѣ люстрація 1616-го исчисляетъ 200 домовъ послушныхъ мѣщанъ, а непослушныхъ—козацкихъ 1300; люстраторы 1622 ограничились указаніемъ числа послушныхъ домовъ (262), не опредѣляя многочисленнаго количества козацкихъ домовъ.

Въ гор. Чигиринѣ люстрація 1616 показываетъ 50 домовъ послушныхъ мѣщанъ, а не послушныхъ козацкихъ 4500; въ 1622 г. это послѣднее число понизилось до 500. Во всякомъ случаѣ элементъ народной свободной колонизаціи неизмѣримо превышаетъ успѣхи правительственнаго заселенія.

Тоже явленіе замѣчается и въ старыхъ повѣтахъ Каневскомъ и Черкасскомъ: въ гор. Каневѣ въ 1616 было послушныхъ мѣщанскихъ домовъ 150, а всѣхъ домовъ въ городѣ 1500; т. е. только десятая часть населенія подлежитъ власти старосты; остальная масса поселилась помимо воли его. Въ 1622 г. эти цифры измѣняются вновь въ пользу успѣховъ козацкой колонизаціи: изъ общаго числа домовъ 1640 только 140 были послужны. Что касается до селъ округа г. Канева, то въ немъ даже и въ 1616 г. не было еще ни одного правительственнаго поселенія, „кромѣ хуторовъ, которыми б. ч. завладѣли козаки, потому что ихъ (козаковъ) числомъ больше, нежели послушныхъ подданныхъ; хотя и мѣщане имѣютъ въ нихъ (этихъ хуторахъ) свои части, но не обязаны платить съ нихъ чего-либо, кромѣ военной службы". Так. обр. всѣ хутора и села заселены или козаками, или мѣщанами, которые въ этомъ случаѣ являются такимъ же свободнымъ колонизаторскимъ элементомъ. Въ 1622 г. люстрація отмѣчаетъ въ Каневскомъ старосівѣ 10 селъ, исключительно занятыхъ козаками.

Г. Черкасы въ 1616 г. заключалъ въ себѣ только 150 послушныхъ мѣщанскихъ домовъ, но за то въ немъ было домовъ

козацкихъ не послушныхъ 800, въ 1622 г. число первыхъ понижается до 120, а число вторыхъ возрастаетъ до 1000.

Въ мѣстечкахъ лѣвобережной части Черкасскаго повѣта отношеніе числа послушныхъ мѣщанъ къ числу непослушныхъ въ 1616 и 1622 гг. выражается въ слѣд. цифрахъ.

Послушные	1616 г.	1622 г.	Непослушные	1616 г.	1622 г.
М. Боровица.	50	70	„	100	150
Ирклей	20	50	„	300	400
Голтва	30	50	„	700	230
Кропивна	30	60	„	60	бол. 300
Манзалѣя	—	—	„	6	10
Богушевка	—	—	„	5	40

Въ новомъ Переяславскомъ староствѣ люстраціи, умалчивая о самомъ гор. Переяславѣ, указываютъ слѣд. цифры относительно мѣстечекъ его округа: въ 1616—въ Яготинѣ послушныхъ 50 и непослушныхъ 50 домовъ; въ Гелмазовѣ первыхъ 40, вторыхъ 100; въ Быковѣ первыхъ 30, а козацкихъ 25; въ Яблоновѣ, первыхъ 50, вторыхъ 30; всего послушныхъ 170 домовъ, а непослушныхъ 205. Сельскихъ поселеній въ этомъ староствѣ въ 1616 г. не было, „кромѣ мѣщанскихъ хуторовъ, которыми, больш. част., завладѣли козаки, которыхъ числомъ больше, нежели подданныхъ послушныхъ“. Въ люстр. 1622 во всѣхъ 25 селахъ или хуторахъ отмѣчается 250 послушныхъ подданныхъ, но прибавляется, что въ этихъ селахъ между подданными живутъ „козаки, которые пользуются грунтами и всякими пожитками, но не оказываютъ никакого послушанія: ихъ болѣе 1000“.

Итакъ во всѣхъ украинныхъ староствахъ, кромѣ староствъ Браславскаго воеводства (гдѣ козачество, какъ явленіе sui generis, не развивалось), огромное большинство населенія состоитъ изъ людей, вовсе не подчиняющихся старостамъ.

По лѣтописнымъ источникамъ извѣстно, что съ конца XVI в. и во всю первую полов. XVII-го вѣка города Корсунь, Каневъ,

Черкасы и Переяславъ весьма нерѣдко козачились въ полномъ составѣ, вели открытую войну со своими старостами и государствомъ, и наполнялись тогда громадными массами бѣглецовъ со всѣхъ сторонъ. Тутъ уже странно было бы и говорить о правительственной колонизаціи въ степяхъ.

Иному можетъ показаться все-таки сомнительнымъ, какое отношеніе имѣютъ разряды послушныхъ и непослушныхъ жителей Украины къ вопросу о колонизаціи; эти непослушные не принадлежатъ ли къ тѣмъ поселенцамъ, которые, будучи вызваны и устроены старостами, въ послѣдствіи выломились изъ послушанія у нихъ, оказачились?

Такое предположеніе опровергается уже тѣми изъ приведенныхъ мѣстъ люстрацій, въ которыхъ прямо заявляется, что нѣкоторыми частями староства (хуторами-селами) *завладѣли* казаки (они же „непослушные"). Очевидно, что эти люди явились сами, никѣмъ не вызванные и не числились ни въ какихъ реэстрахъ. Въ послѣдствіи часть ихъ, при извѣстныхъ условіяхъ (неудачной войны, личнаго разсчета и т. п.) могли подчиниться старостѣ; эта часть и именовалась мѣщанами, подданными, остальная масса во все теченіе періода до Богдана Хмельницкаго, продолжала жизнь въ козачествѣ. Извѣстно, что въ степяхъ, близкихъ къ порогамъ, собрались огромныя толпы однихъ непослушныхъ козаковъ. Здѣсь уже никто не станетъ говорить о правительственной или частно-владѣльческой колонизаціи.

Мы идемъ дальше и полагаемъ, что почти *все* новое населеніе украиныхъ пустынь явилось первоначально въ качествѣ „своевольныхъ" поселенцевъ и что раздѣленіе на послушныхъ и непослушныхъ явилось позже, когда среди свободной общины староста поставилъ свой зàмокъ и учредилъ рынокъ. На это наводятъ слѣд. соображенія.

1. Хронологическія показанія оффиціальныхъ актовъ о времени заселенія какого-либо мѣстечка и о числѣ жителей въ немъ. Напр., м. Кропивна основана якобы въ 1616; но въ этомъ же са-

момъ году, по показанію люстраціи, она имѣетъ 90 домовъ, т. е., около 500 жителей. М. Голтва на другой годъ по основаніи имѣетъ 730 домовъ (т. е. около 3700 жит.). Если свидѣтельство объ *основаніи* мѣстечка принять буквально, то выходило бы, что въ одинъ и тотъ же годъ объявлено о заведеніи новаго поселенія, что въ этотъ же годъ населеніе разныхъ частей государства успѣло узнать о томъ, успѣло придти на югъ со своими семействами и скарбомъ, успѣло выстроить 90 или 730 домовъ. Такихъ архи-американскихъ чудесъ допустить нельзя. Очевидно Кропивна и Голтва существовали *до своего основанія*, до 1615 и 1616 г.; а въ эти года староста переименовалъ ихъ въ мѣстечки, завелъ здѣсь мѣщанскіе порядки (корчмы, торги и ярмарки); и вотъ основано населеніе на „сыромъ корню", на „пустомъ шляху", „de nova radice". Часть населенія принимаетъ новыя условія быта и становится послушною. другая нѣтъ. Пожалуй покажется удивительнымъ, почему даже нѣкоторая небольшая часть согласилась вести бытъ послушныхъ мѣщанъ; но для уясненія этого достаточно припомнить, что принимаемое „послушаніе" (подчиненіе) было пока мнимымъ: поселенцамъ давалась льгота отъ 20 до 40 л.; „послушные" на Украинѣ въ 10-хъ и 20-хъ годахъ XVII в. такъ же ничего не платили, какъ и непослушные.

Приведенные примѣры несовпаденія даты основанія мѣстечка съ дѣйствительною его населенностію, не единственные. Въ 1615 Янъ Даниловичъ представилъ королю, что въ Чигиринскомъ повѣтѣ есть пустое урочище Крыловъ, гдѣ бы слѣдовало бы основать городъ. Король разрѣшилъ. На другой годъ (въ 1616) производилась люстрація, при чемъ оказалось, что Крыловъ имѣетъ уже 200 домовъ. Всякій невольно подумаетъ, что въ то время, когда Даниловичъ увѣдомлялъ короля о пустомъ городищѣ, въ немъ было уже значительное населеніе; мнимое, „основаніе" есть пріобрѣтеніе старостою правъ на это населеніе и сообщеніе слободѣ характера мѣстечка. Что такое же значеніе имѣетъ старостинская колониза-

ція и въ Браславскомъ воеводствѣ, на это указываетъ приведенный выше фактъ, относящійся къ м. Литину.

2. Сохранились оффиціальныя свѣдѣнія (къ сожалѣнію весьма немногія) о способѣ основанія украинныхъ поселеній. Въ Чигиринскомъ пов. около 1616 г. образовалась слобода Медвѣдовка, переименованная въ г. Даниловъ (вѣроятно по фамиліи Даниловича). По сказанію мѣстныхъ мѣщанъ, это заселеніе произошло такъ: „вольные люди не помѣщались въ главномъ городѣ (Чигиринѣ) и заселили особую слободу на р. Медвѣдовкѣ“ [1]).

3. Существуютъ косвенныя указанія на то, какъ осторожно надо относиться къ увѣреніямъ, что новый городъ основывается на пустомъ городищѣ или урочищѣ. Такъ въ грамотѣ кн. К. Острожскому объ основаніи Переяслава, говорится, что король передаетъ кн. Острожскому Переяславъ въ тѣхъ предѣлахъ („объѣздахъ и границахъ“), „какъ владѣли имъ наслѣдственные (отчизные) паны“. Какіе это паны? Давно ли они владѣли Переяславомъ? Не знаемъ; но очевидно, если были владѣльцы, и *притомъ владѣли въ опредѣленныхъ* границахъ, то это уже не была пустыня.

Извѣстно, что существуютъ большія недоразумѣнія о времени основанія гор. Кременчуга въ слѣдствіе (мнимыхъ) противорѣчій въ въ источникахъ. Короли Сигизмундъ-Августъ и Сигизмундъ III собирались строить замокъ въ Кременчугѣ; но изъ этого, по свидѣтельству Бѣльскаго, „не выходило ничего“; а между тѣмъ Бопланъ, — называетъ его уже прекраснымъ и удобнымъ для житья городомъ, гдѣ онъ (Бопланъ) въ 1635 г. назначилъ построить замокъ; по люстраціи 1636 этотъ городокъ „лежитъ впустѣ“; а по дневнику Окольскаго 1638 г. здѣсь былъ не только городъ, но и цѣлая Кременчугская волость, гдѣ Остряница запасся лошадьми и разграбилъ городъ. Всѣ такія противорѣчія мы назвали мнимыми, ибо источники говорятъ о двухъ различныхъ матеріяхъ: городъ (посе-

[1]) Арх. Юго-з. р. ч. V. т. I, стр. 551.

леніе) былъ (быть можетъ иногда пустѣлъ и вновь заселялся), но ни замка въ немъ, ни „послушныхъ“ жителей не было. Для государства это былъ такой же нуль, какъ курени Запорожской Сѣчи.

Подобное же населеніе, нерегистрованное, не обращенное въ „подданныхъ“ существовало съ древнихъ временъ по всѣмъ городамъ и урочищамъ Днѣпровскаго лѣвобережья (какъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ). Оно то и сохранило въ Посульѣ въ наименованіяхъ сельскихъ урочищъ и городищъ связь съ древнею—Рюриковскою эпохою. Къ концу XVI в. эти вольные колонизаторы степей неимовѣрно увеличились въ своемъ числѣ и поселенія ихъ въ многихъ мѣстахъ получили оффиціальное признаніе. Такой наплывъ населенія произошелъ бы непремѣнно, если бы на Украинѣ не было не одного пана, ни одного старосты.

Тоже явленіе (но въ степени еще высшей) замѣчается и на частновладѣльческихъ земляхъ. Если не мы, то всякій другой, кто ознакомится съ громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ въ Кіев. Центр. Архивѣ, несомнѣнно придетъ къ тому же выводу, притомъ вовсе не безпримѣрному въ исторіи (Донскія, Уральскія и Волжскія степи и Сибирскія пустыни колонизовались именно свободными казачьими общинами).

Теперь намъ остается отвѣтить на очень естественно возникающій вопросъ: если населеніе сѣверныхъ и западныхъ повѣтовъ прежняго Литовскаго Государстта само устремилось въ южныя степи, то почему этотъ потокъ хлынулъ именно съ конца XVI в.? И что толкало этихъ людей стремиться на явную опасность быть избитыми отъ татаръ или отъ „самовольныхъ пановъ“?

Начать съ того, что украинскія благодатныя степи искони вѣковъ были знакомы жителямъ мѣстъ, обездоленныхъ природою, какова большая часть Бѣлоруссіи. Ежегодно шли оттуда толпы народа на Удай, Сулу, Пселъ, Ворсклу и даже Орель на т. н. „уходы“. Періодически два раза въ году повторялось это движеніе взадъ и впередъ по теченію Днѣпра, Десны, Сожа и пр. То были

временные гости, приходили они для временныхъ промысловъ; совершивши обычный циклъ рыболовства, охоты и пчеловодства, они возвращались съ добычей опять въ свои глухія лѣсныя мѣста. Нужны очень сильныя причины, чтобы побудить такихъ извѣчныхъ автохтоновъ навсегда переселиться въ опасныя степи.

Но и природная привлекательность южныхъ степей могла увлечь только жителей обездоленной Бѣлоруссіи и Полѣсья, а отнюдь не тѣхъ, кто жилъ въ такихъ же благодарныхъ и плодоносныхъ странахъ, каковы южныя части Волыни, Подолія и Червоная Русь. Прежде въ 1-й пол. XVI в. переселенцы и не шли изъ этихъ послѣднихъ странъ на Украину; шли—все Бѣлорусы и Полѣшуки. Послѣ уніи, особенно въ концѣ XVI в. въ приднѣпровскія и прибужскія степи стремятся и Подоляне, и Волынцы и даже Червоноруссы. Значитъ дѣло не въ одной привлекательности и богатствѣ природныхъ даровъ Украйны.

Нѣтъ сомнѣнія, что заманчивыя обѣщанія льготъ со стороны агентовъ украинныхъ старостъ и частныхъ владѣльцевъ могли (какъ сказано выше) на первыхъ порахъ вызвать потокъ переселенцевъ. Но мы видѣли, какъ эти обѣщанія были обманчивы, что переселенцы и въ льготные сроки были прикрѣпляемы, а по миновaніи льготъ отягчены поборами. Достаточно было 5—7 лѣтъ, чтобы дѣйствительность украинскихъ порядковъ стала извѣстною на мѣстахъ, откуда манили переселенцевъ; передовыя массы должны были увѣдомить своихъ оставшихся сородичей и земляковъ о томъ, что ждетъ ихъ на Украинѣ, о томъ, что имъ часто приходится жить въ ямахъ, быть въ постоянной опасности крымскаго плѣна или избіенія, быть участниками и жертвами чуть не ежедневныхъ битвъ и взаимныхъ разореній украинскихъ пановъ; въ концѣ концовъ предстоитъ то же прикрѣпленіе. Это должно бы было охладить легкомысленный порывъ въ невѣдомыя страны.

Итакъ что же заставило громадныя массы мирныхъ жителей и и извѣчныхъ земледѣльцевъ пуститься сразу съ конца XVI в. въ рискованное движеніе на югъ? Авторъ Ukrainy, какъ мы видѣли,

объясняетъ это уніею 1569 г., именно тѣмъ, что эта унія отворила ворота на Украйну изъ *Польши*; но мы уже говорили, что съ этимъ согласиться никакъ нельзя, не имѣя вовсе свидѣтельствъ о переселеніи на Украйну поляковъ (и видѣли, что и самъ авторъ Ukrainy согласенъ съ этимъ).

Онъ справедливо утверждаетъ, что основнымъ элементомъ переселенія были крестьяне. Эта вполнѣ вѣрная мысль устраняетъ гипотезу, нѣкогда высказанную П. А. Кулишомъ, что главною составною массою переселенцевъ были бояре и мѣщане. Бояре въ полов. XVI в. суть тѣ же прикрѣпленные крестьяне, но только классъ ихъ болѣе обезпеченный и состоятельный. Было-бы крайне удивительно, если бы не бѣдная голытьба, а люди наиболѣе состоятельные шли въ переселеніе. Мѣщане частно-владѣльческихъ мѣстечекъ ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ, а мѣщане городовъ магдебргскихъ не имѣли никакихъ побудительныхъ причинъ мѣнять свою довольно твердо гарантированную свободу на сомнительную жизнь авантюриста. А главное—фактическихъ основаній для этого мнѣнія нѣтъ никакихъ, тогда какъ о переселеніи крестьянъ, въ особенности частно-владѣльческихъ, мы имѣемъ прямыя многочисленныя свидѣтельства, одно изъ которыхъ приведено нами выше. Во всякомъ случаѣ авторъ Ukrainy стоитъ здѣсь на вѣрной дорогѣ; но послѣдуемъ за нимъ дальше. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что „бѣгство“ доставляло главный контингентъ переселенцевъ на Украину, что оно началось еще при Литовскомъ правительствѣ. Но, продолжаетъ онъ, послѣ уніи и уничтоженія границы, раздѣлявшей дотолѣ Литовскія земли отъ коронныхъ, открылись двери для болѣе широкаго бѣгства изъ воеводствъ уже *коренныхъ польскихъ* (gniazdowo-polskich). Напоръ бѣгства нельзя было уже удержать никакими конституціями; его подталкивали болѣе всего осадцы, опирающіеся на могущество своихъ пановъ, и поблажки земянъ, которыхъ бѣгство крестьянъ еще не коснулось лично и которые пользовались даже особымъ доходомъ отъ такого движенія—„мимоходчиной“; можетъ быть тогда уже дѣйствовали и „вы-

котцы"—профессіональные агенты бѣгства крестьянъ. „Но было бы (продолжаетъ тотъ же авторъ) очень неосновательно приписывать главную причину бѣгства притѣсненію пановъ. Главную роль въ этомъ играла долголѣтняя воля, ожидающая выходцевъ на Украинѣ; нужно быть очень засѣдѣлымъ на своемъ мѣстѣ хозяиномъ, чтобы не подпасть искушенію 20, 30-лѣтней „свободы", объявленной хотя-бы и въ далекой волости. Отецъ семьи, очевидно, оставался на старомъ грунтѣ, а молодежъ?—20, 30 лѣтъ пользоваться свободно панскою землею, кто тутъ не соблазнится"?—Но о соблазнительности (и обманчивости) долголѣтней воли мы уже говорили и авторъ Ukrainy признаетъ, что она не останавливала народъ отъ дальнѣйшаго движенія. На Украйну стремилась не только молодежь, оторванная отъ семьи; переселенцы говорятъ, что они, услышавши о волѣ, попродали свою бѣдную рухлядь и землю и перешли со всѣмъ скарбомъ изъ разныхъ дальнихъ странъ (см. выше жалобу колонистовъ Софійской слободы въ Кіевѣ).

Итакъ капитальнѣйшій и важнѣйшій вопросъ о южно-русской колонизаціи остается все еще открытымъ, почему съ конца XVI в. населеніе двинулось на Украйну массами?

Полагаемъ, что къ рѣшенію его ведутъ два крупныхъ историческихъ явленія, совершавшіяся въ то время за предѣлами Украйны. Оба они изслѣдованы и въ главныхъ чертахъ одинаково признаны всѣми изслѣдователями; остается лишь связать ихъ съ вопросомъ о колонизаціи, причемъ мысль о такой связи сама собою напрашивается всякому безпристрастному наблюдателю.

1) Первое изъ явленій, которыя мы имѣемъ въ виду, есть общее прикрѣпленіе крестьянъ, установленное окончательно во 2-й полов. XVI в. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы говорили, что это величайшее историческое явленіе возникаетъ не вдругъ, не въ силу какого-либо общаго закона, а въ слѣдствіе долговременнаго и слож-

---

[1]) „Крестьян. землевладѣніе въ Литовскомъ государствѣ". Кіевъ 1893.

наго процесса экономическихъ и соціальныхъ факторовъ. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ начало его относится ко временамъ, гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ вѣкъ XVI-й. Но со второй четверти XVI в. въ Литвѣ идея прикрѣпленія сдѣлала уже значительные успѣхи, и общій законъ (Статутъ) могъ уже установить срокъ давности поселенія, какъ основаніе прикрѣпленія. Хотя крестьяне—„отчичи", т. е. владѣльцы крестьянскихъ участковъ считались уже всѣ людьми „непохожими", т. е. не пользующимися правомъ перехода, но все еще оставалось не малое количество людей „похожихъ", бродячихъ. На уменьшеніе этого количества весьма сильно повліяли аграрныя реформы Сигизмунда-Августа (введеніе волочной системы); однако до уніи 1569 г. отнюдь нельзя признать процессъ прикрѣпленія завершившимся повсемѣстно; между прочимъ украинскія волости не подвергались волочному преобразованію; относительно частныхъ владѣній нигдѣ, ни въ какомъ общемъ законѣ не былъ выраженъ принципъ общаго прикрѣпленія крестьянъ. Между тѣмъ Польша далеко опередила въ этомъ Литву; польскій „кметь" былъ уже вообще и повсюду признанъ лишеннымъ права перехода. *Унія 1569 года, въ особенности же непосредственное присоединеніе Южной Руси къ Польшѣ послужили окончательнымъ моментомъ въ процессѣ прикрѣпленія.* Безъ изданія какого-либо общаго закона о томъ, право, дѣйствовавшее на этотъ предметъ въ Польшѣ, реципировано и для Руси, какъ нераздѣльной части того-же государства, что̀ доказывается многочисленными конституціями о бѣглыхъ крестьянахъ, изданными по поводу украинской колонизаціи; при этомъ рѣчь идетъ о крестьянахъ вообще, безъ оговорки на счетъ не потерявшихъ права перехода, и безъ различенія коронныхъ и частно-владѣльческихъ земель. Во втор. усвоеніе принципа общаго прикрѣпленія и на Украйнѣ доказывается тѣмъ, что украинскіе владѣльцы въ концѣ XVI в. ведутъ иски въ судахъ и трибуналѣ о возвращеніи имъ бѣглыхъ крестьянъ, также безъ указанія на какія-либо спеціальныя основанія прикрѣпленія и даже очевидно до истеченія срока дарованной имъ льготы.

Вотъ историческій фактъ огромнаго значенія, который намъ нѣтъ надобности развивать и аргументировать, какъ фактъ признанный и притомъ фактъ общій, лишь соприкасающійся съ нашимъ спеціальнымъ вопросомъ. Намъ остается сказать только, какъ онъ соприкасается съ этимъ послѣднимъ. Почему устремились крестьяне на Украйну послѣ уніи? Не отъ „притѣсненій" пановъ у себя дома, какъ справедливо говоритъ уважаемый польскій ученый; паны были разные: одни притѣсняли, другіе нѣтъ; но прикрѣпленіе постигало всѣхъ. Когда открылся поводъ (по желанію самого правительства и приглашенію пановъ) бѣжать, когда ясно опредѣлилось, куда бѣжать, то потокъ переселенія и хлынулъ на Украйну. Нѣкоторые владѣльцы внутреннихъ повѣтовъ Волыни и Литвы, конечно, терпѣли отъ этого ущербъ, но за то другіе, запасшіеся лятифундіями на Украйнѣ и притомъ самые сильные, покровительствовали бѣгству, и удерживали Рѣчь Посполитую отъ рѣшительныхъ мѣръ. Какія надежды и соображенія руководили бѣглецами, если они въ концѣ концовъ убѣждались, что и на Украйнѣ застигнетъ ихъ прикрѣпленіе? Многіе, конечно, шли на авось, на соблазнъ долголѣтней воли, но цѣлыя массы не могли быть близоруки. Они шли не къ панамъ, не къ старостамъ, шли въ вольныя степи, въ тѣ мѣста, гдѣ не было еще ни пановъ, ни королевскихъ зáмковъ и лишь временно останавливались около колонизаторскихъ „столбовъ" (выше было указано, что урочища украинскихъ пустынь были уже населены, когда панъ или староста испрашивалъ привилегію на основаніе въ нихъ, якобы пустыхъ, новаго поселенія). Попавъ и здѣсь подъ власть пановъ, или старосты, они хотя продолжали жить довольно долго въ качествѣ „непослушныхъ", но затѣмъ уходили дальше на низъ Днѣпра, опять на вольныя степи [1]).

---

[1]) Мы рисуемъ здѣсь не фантастическую картину по догадкамъ, хотя бы и очень вѣроятнымъ. Кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ, приведенныхъ выше и касающихся собственно приднѣпровской Украйны, у насъ

Остается объяснить, какъ могли они надѣяться при такомъ углубленіи въ степи, спастись отъ татарскихъ нападеній и своевольныхъ битвъ пановъ между собою? Какъ устроить свою жизнь при внѣшней и внутренней небезопасности въ степи?

2) Здѣсь встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ также общеисторической важности и также совершавшимися за границами Украйны: имѣемъ въ виду образованіе и развитіе Запорожской Сѣчи. Намъ опять нѣтъ надобности говорить о самомъ Запорожьѣ и его исторіи; для насъ важна лишь связь этого явленія съ украинскою колонизаціею. Во перв., само Запорожье могло быть и было послѣднимъ звеномъ для бѣглецовъ, ищущихъ свободы; тамъ эта свобода достигалась въ безграничной степени. Главною задачею Запорожья было не спасаться отъ встрѣчъ съ крымцами и ногаями, а напротивъ нападать на нихъ и биться съ ними, не выхлопотывать отъ кого-либо лишній годъ воли, а пользоваться вѣчною свободою отъ повинностей, даже государственныхъ. Но Запорожье было пріютомъ для одинокихъ и безсемейныхъ; а мы уже говорили, что главная масса переселенцевъ состояла изъ людей, не порвавшихъ связи съ семьею и привычками мирной культуры. Эти массы, жившія на (мнимыхъ) коронныхъ и владѣльческихъ земляхъ въ качествѣ непослушныхъ, обзаводясь здѣсь хозяйствомъ, подвергались опустошительнымъ набѣгамъ татаръ наравнѣ съ послушными; здѣсь среди панскихъ и коронныхъ зáмковъ имъ не долго бы пришлось

предъ глазами достовѣрнѣйшій процессъ образованія козачьихъ общинъ на Дону, Яикѣ и Волгѣ. Послѣ установленнаго бытовымъ обр. прикрѣпленія крестьянъ въ Москов. государствѣ съ конца XVI в. и здѣсь начинается громадный отливъ населенія въ степи; за этимъ движеніемъ по пятамъ шло государство со своими острожками и засѣками. Разница только въ томъ, что здѣсь не было огульной раздачи земли частнымъ владѣльцамъ, но эта—разница огромная. Представимъ себѣ, что въ XVII в. на Дону Московское правительство насадило бы бояръ и дворянъ съ ихъ крѣпостными среди козачьихъ общинъ; какое броженіе, смуты и борьба явились бы неизбѣжнымъ результатомъ, когда и безъ этого Стенька Разинъ шелъ истреблять боярство за предѣлами козачьихъ земель?

сохранить свое непослушаніе; рано или поздно имъ предстояло бы войти въ общій строй тогдашнихъ гражданскихъ порядковъ въ качествѣ прикрѣпленныхъ крестьянъ и отчасти мѣщанъ.

Отъ такихъ двухъ опасностей ихъ могла предотвратить только организованная самозащита. Если имъ удастся сомкнуться въ самостоятельныя общества съ военнымъ характеромъ и создать изъ себя классъ населенія, не принадлежащій ни крестьянству, ни къ мѣщанству, ни къ шляхетству, то тогда задача разрѣшена.

Нѣтъ сомнѣнія, что „непослушные", не признававшіе ни власти старостъ, ни пановъ, создавали сами какой-либо порядокъ въ своихъ поселеніяхъ; полагаютъ (и очень вѣроятно), что они возсоздавали здѣсь привычныя издавна формы общиннаго самоуправленія съ присоединеніемъ военнаго характера (по требованію обстоятельствъ); фактовъ у насъ нѣтъ; но иначе жить на Украйнѣ было бы невозможно.—Однако такая общинная организація была бы совершенно недостаточна для достиженія внутренней и внѣшней безопасности; каждая община въ отдѣльности представляла ничтожную силу, которую легко сломить и внѣшнему врагу и даже пану. Такія свободныя поселенія были разсѣяны по всей обширной территоріи Украйны, черезполосно съ зáмками, городами и мѣстечками. Дѣло совершенно измѣнится, если такія общины сомкнутся въ общую организацію и притомъ съ опредѣленнымъ военнымъ устройствомъ, съ общею властію.

Въ памятникахъ нач. XVII в. „непослушные" иначе называются *козаками*. Этимъ уже указывается на свойства организаціи, принятой непослушными. Однако примѣненіе козацкихъ порядковъ къ разсѣяннымъ общинамъ, занятымъ мирными трудами и промыслами, было бы дѣломъ труднымъ или, правильнѣе, совсѣмъ невозможнымъ, безъ содѣйствія сторонней готовой организаціи.

Была сдѣлана неоднократно попытка со стороны самаго правительства придать городовому козачеству обще-военное устройство въ связи съ общею системою военнаго (государственнаго) управленія. Первая такая попытка была сдѣлана при кор. Сигизмундѣ-

Августѣ въ 1572: надъ всѣми козаками (украинными) былъ поставленъ одинъ правитель въ званіи *старшаго* и *судьи* козацкаго (то былъ житель Бѣлой Церкви Янъ Бадовскій, очевидно полякъ); но въ организацію введены далеко не всѣ „непослушные", а только выбранный короннымъ гетманомъ (Юріемъ Язловецкимъ) отрядъ— „почетъ" на королевскую службу, съ назначеніемъ жалованія изъ королевской казны. Избранные козаки освобождаются отъ власти мѣстныхъ воеводъ и украинскихъ старостъ, ибо они жаловались на всякія притѣсненія отъ этихъ послѣднихъ; въ замѣнъ того надъ ними установлена власть короннаго гетмана, который и ставятъ имъ отъ своей рукой старшаго и судью.

Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ подобная правительственная попытка была сдѣлана при Ст. Баторіи. Это не тотъ подложный универсалъ, который приписывается Баторію, а дѣйствительныя мѣры, излагаемыя отчасти въ хроникѣ Пясецкаго. Приблизительно можно возстановить такой видъ этихъ мѣръ: въ пол. 80-хъ годовъ XVI в. при каждомъ изъ украинскихъ замковъ, именно: Черкасахъ, Каневѣ, Бѣлой Церкви, Корсунѣ, Чигиринѣ и Переяславѣ, были составлены изъ козаковъ особые полки, всего 6, подъ начальствомъ выборныхъ полковниковъ. Для общаго управленія (преимущественно для общихъ походовъ) назначенъ одинъ начальникъ, котораго сами козаки начали называть гетманомъ; резиденціей его былъ гор. Терехтемировъ; ему въ мирное время принадлежала аппеляціонная власть на приговоры мѣстныхъ козацкихъ судовъ. Въ организацію введено и Запорожье, которое должно было стать укрѣпленнымъ лагеремъ съ постояннымъ гарнизономъ въ 2000 козаковъ.

Что эта организація, очевидно, не удовлетворила козачество, особенно Запорожское, доказательствомъ служитъ фактъ 1585 г., когда Запорожцы утопили въ Днѣпрѣ королевскаго посланца Глу-

---

[1]) Ак. Южн. и Западн. Россіи, т. II, № 149; актъ 5 Іюня 1572 г.

боцкаго, который явился туда съ запрещеніемъ нападать на татарскіе и турецкіе предѣлы [1]). Тоже доказывается и конституціею сейма 1590 г., по которой Запорожцы должны б. выведены изъ Сѣчи, а на ихъ мѣсто поселены другіе „послушные“ подъ начальствамъ старшаго и сотниковъ, назначенныхъ короннымъ гетманомъ; городовые козаки отданы подъ власть мѣстныхъ (украинныхъ) старостъ и пановъ (смотря по мѣсту жительства), которые ставятъ надъ ними бурмистровъ, войтовъ и ватамановъ и смотрятъ, чтобы они самовольно не отлучались на Низъ и не снабжали низовыхъ козаковъ оружіемъ и военными припасами; за неисполненіе распоряженій старостъ или пановъ и вообще за неподчиненіе власти, старосты, паны и ихъ урядники имѣютъ право (и обязанность) карать смертію. Для общаго надзора за Украйною сеймъ назначилъ двухъ дозорцевъ, которые функціонируютъ подъ главнымъ руководствомъ короннаго гетмана [2]).—Но конституція 1593 г. [3]) доказываетъ, что эти распоряженія остались мертвою буквою; а еще болѣе о томъ свидѣтельствуютъ возстанія Косинскаго (1593), Лободы (1594) и Наливайки (1595—6) и конституц. 1596 г. о поголовномъ истребленіи козаковъ [4]).

Итакъ правительственная попытка соединить въ одну массу и организовать свободныя общины поселенцевъ въ военное сословіе на службѣ государству не удалась; она и не могла удаться, ибо люди, искавшіе свободы, попадали бы подъ двойную власть старостъ (или пановъ) и военнаго начальства. А это было хуже крѣпостного состоянія.

Но во всѣхъ изложенныхъ правительственныхъ мѣрахъ выступаютъ двѣ черты, имѣвшія для поселенцевъ огромную важность

---

[1]) Арх. Юг. Зап. Р. ч. Ш. т. I. № 4

[2]) Vol. leg. II. 1330—1332

[3]) Vol. leg. II. 1402. По этой конституціи Низовцы объявлены внѣ покровительство законовъ.

[4]) Vol. leg. II. 1447.

именно: общая организація свободныхъ поселенцевъ и связь ихъ съ Запорожьемъ. Свободныя общины не желали обратиться въ военныя поселенія подъ властію короннаго гетмана; но общій предводитель имъ былъ необходимъ; они не желали подчиняться бурмистрамъ и войтамъ, поставленнымъ надъ ними панскою или старостинскою властью, но имъ необходими были органы управленія военно-гражданскаго. То и другое они нашли въ Запорожьѣ. Это была готовая ихъ столица; вмѣсто короннаго гетмана, для нихъ былъ готовый предводитель, избранный въ Запорожьѣ, свой собственный гетманъ; Запорожье сообщаетъ имъ готовый типъ управленія въ лицѣ атамановъ, сотниковъ, эсауловъ. Запорожье всегда готово защищать ихъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Въ послѣднихъ годахъ XVI в. общими предводителями казаковъ, выходившими изъ Запорожья, были нелегальные вожди, вожди возстаній противъ государства; но въ первомъ десятилѣтіи XVII в., когда во главѣ ихъ появился Сагайдачный, свободная казацкая организація сдѣлалась настолько сильною и правильною, что само правительство рѣшилось признать этого „гетмана“ наравнѣ и рядомъ съ короннымъ гетманомъ (Жолкѣвскимъ). Продолжительное управленіе Сагайдачнаго, его мужественная борьба съ татарами и турками, казалось, должны были навсегда, установить прочный порядокъ дѣлъ на Украйнѣ. Иногда упрекаютъ польское правительство въ томъ, что оно не признало и не санкціонировало этого порядка навсегда. Но могло ли оно это сдѣлать? *Всѣ* переселенцы Украйны пришли сюда искать свободы; всѣ они впослѣдствіи (при Хмельницкомъ) оказачились. Панское зевлевладѣніе и старостинское управленіе были при этомъ уже немыслимы. Но уничтожить то и другое государственная власть, конечно, не могла, тѣмъ болѣе, что государственная власть — на сеймахъ и въ сенатѣ принадлежала тѣмъ же Вишневецкимъ, Корецкимъ, Збаражскимъ и пр., о судьбѣ которыхъ шло бы дѣло.

Во всякомъ случаѣ громадное свободное населеніе Украйны получило, благодаря Запорожью, общую организацію и сплотилось воедино (хотя и послѣ Сагайдачнаго вожди его были опять нелегальные вожди возстаній: Жмайло, Тар. Трясило, Павлюкъ, Острянница и Гуня и нѣсколько мелкихъ). Въ свою очередь Запорожье постепенно усиливалось, благодаря близости Украйны, личными и имущественными средствами; противъ татаръ и внутреннихъ притѣсненій явился надежный оплотъ. Все изложенное происходило въ концѣ XVI и нач. XVII в., т. е. въ эпоху самаго сильнаго колонизаціоннаго движенія.

Вотъ обстоятельства, которыя давали новымъ переселенцамъ на Украйну основательную надежду, что ихъ стремленіе достигнуть здѣсь полной свободы и защиты, можетъ получить дѣйствительное осуществленіе. Эта приманка сильнѣе всякихъ обѣщаній долгосрочныхъ льготъ у пановъ, вѣрнѣе всякихъ ухищреній искусныхъ осадцевъ и выкотцевъ, реальнѣе надеждъ на защиту подъ панскими и старостинскими за́мками.

Толчекъ, вызвавшій переселеніе есть прикрѣпленіе, конецъ и цѣль переселенія — свобода, гарантированная организованною военною силою.

Вотъ общій выводъ, подсказанный дѣйствительными фактами исторіи южнорусской колонизаціи, а не предвзятою (будто бы) нашею схемою. Факты были предъ нашими глазами, много лѣтъ тому назадъ; да они въ общемъ обязательно должны быть извѣстны всякому, не лишенному элементарныхъ свѣдѣній по южно-русской исторіи.

Но не съ такими людьми мы ведемъ теперь рѣчь, а съ уважаемыми и вполнѣ освѣдомленными польскими учеными; такая книга, какъ томъ XXII Zr. Dz. есть громадное и прочное

пріобрѣтеніе науки. Не сходиться въ общихъ выводахъ свойственно всякому добросовѣстному изслѣдователю. Мы и сами не выдаемъ своихъ выводовъ за окончательныя; наука есть сила вѣчно живая и движущаяся, и да живетъ она!
